

**ТРЕТЬЕ
ПРИШЕСТВИЕ
СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА БОЛГАРИИ**

ВЕЧЕ

Новая библиотека приключений и научной фантастики

Коллектив авторов

**Третье пришествие. Современная
фантастика Болгарии**

«ВЕЧЕ»

2020

Коллектив авторов

Третье пришествие. Современная фантастика Болгарии /
Коллектив авторов — «ВЕЧЕ», 2020 — (Новая библиотека
приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-4484-8298-4

Научная фантастика и фэнтези, киберпанк и новаторские поиски – все это характеризует сегодняшнюю болгарскую фантастику. Использование богатых фольклорных традиций, острые социальные эксперименты, неожиданные повороты сюжета – лишь часть творческого арсенала авторов, произведения которых включены в сборник. Этой антологией мы хотим познакомить русских читателей с достижениями писателей-фантастов Болгарии. В книге представлены лучшие произведения, опубликованные в течение последних лет на страницах широко известного «альманаха фантастики и будущего» ФАНТАСТИКА.

ISBN 978-5-4484-8298-4

© Коллектив авторов, 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Предисловие. Болгарская «Терра Фантазия»	6
Кирил Добрев, Валентин Д. Иванов. Сказочник и укрепление нравов	8
Атанас П. Славов. Сны для Космодора	24
Третье пришествие	36
Мартин Петков. Помидоры – голубые, телята – с крыльями	39
Янчо Чолаков. И спросил солдат: «Кто меня позвал?»	44
Григор Гачев. Надлежащий уход	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Третье пришествие. Современная фантастика Болгарии

© Славов А., составление, 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие. Болгарская «Терра Фантазия»

Говорят, все мы пришельцы из единственной родины – Детства. Когда-то, в далекие семидесятые, я назвал свой первый клуб фантастики в Бургасе «Терра Фантазия» по имени любимой рубрики из журнала «Знание – сила». Потом движение наших клубов разрослось до размеров «виртуального государства», насчитывавшего десятки сообществ в самых значительных городах Болгарии. В первые годы демократии пошел спад, но «столпы» движения – Клуб имени Ивана Ефремова из Софии и Стругацких из Пазарджика – оставались центром, куда стекались самые талантливые творцы фантастики в области литературы, живописи и иллюстрации, даже кино и театра.

Но прежде всего, надо учесть одну огромную разницу в культурных рынках России и Болгарии. Болгарский язык – это язык маленького народа, и, соответственно, читательский круг у нас на порядки меньше русского. Те несколько сотен экземпляров, которые продает болгарский писатель-фантаст, аналогичны 7–8-тысячному тиражу русского писателя. И если в России у автора есть возможность получить приличный гонорар, то болгарскому фантасту повезет, если он сам не платит за издание книги. У нас практически не существует «коммерческая литература» (кроме нескольких ловких писак, зарабатывающих на романах про жизнь «новых болгар»). Однако же это трагическое положение вещей имеет и свою положительную сторону – на литературной сцене остаются только те, кто творит несмотря ни на что! Каждая страница произведения болгарского фантаста написана потому, что автор не мог ее не написать, не рассчитывая на заработок, даже больше – при гарантированном отсутствии заработка...

И еще один фактор: у нас не было процесса возвращения к национальным авторам и тематике, как это случилось в нулевые годы в России. Лидером НФ и фэнтези рынка в Болгарии остался перевод. Болгарские авторы издаются в небольших издательствах («Аргус», «Квазар» и «Офир»), созданных членами клубов любителей фантастики. Богатые издательства «лакомятся» длинным списком НФ и фэнтези англоязычных бестселлеров, ими заваливают книжные прилавки. Поэтому и перевод с русского почти исчез, кроме имен Лукьяненко и Глуховского никого не услышишь...

Вот в такой обстановке в 2009 году произошла регистрация и становление Общества болгарских фантастов «Терра Фантазия» (ОБФ ТФ), где нашли пристанище как авторы, выросшие в клубах, так и пришедшие из других литературных сообществ. Их объединяет только последовательная и всеобъемлющая любовь к настоящей фантастике, которую завещала нам «фантастическая семерка» основателей, задавшая генеральные «архетипы» мировой фантастической литературы. Вот их имена: Мэри Шелли (ответственность ученого перед своим творением и человечеством); Жюль Верн (образ человека-открывателя и путешественника); Герберт Уэллс (образ машины времени и социальная фантастика); Карел Чапек (образ робота и психологическая фантастика); Джон Толкин (фэнтези и мифологическая фантастика); Станислав Лем (искусственный интеллект и интеллектуальная фантастика); Иван Ефремов (образ победившего разума и позитивное моделирование будущего).

В ОБФ ТФ работают следующие секции: «Писатели», «Переводчики», «Составители (редакторы, издатели)», «Художники (живопись и иллюстрация)», «Кинофантастика», «Музыка», «Сцена и мультимедиа». Печатный орган Общества – это толстый «альманах фантастики и будущего» ФАНТАСТИКА. Выборки со страниц его восьми выпусков и составили этот сборник.

Этой антологией мы хотим познакомить русских читателей с нашими достижениями, а возможно, и начать новый уровень общения – когда-то так было при помощи издательств «Свят» и «София-пресс». Сейчас с нами наша надежда найти путь к сердцам русских знатоков фантастики.

Атанас П. Славов, председатель ОБФ ТФ

Кирил Добрев, Валентин Д. Иванов. Сказочник и укрепление нравов

Она была из самых настойчивых – успела далеко обогнать своих сестер, но, даже не зная об этом, сторонний наблюдатель по одному ее внешнему виду мог бы заключить, что она чем-то выгодно отличается от остальных: была покрупнее, плотнее, очертания ее приближались к совершенству формы...

– А в самом ли деле сфера является наиболее совершенной формой? – спросил себя Вечный Старик, провожая взглядом путь капли, которая внесла свою скромную лепту в подтачивание каменных плит в дворике.

Старик помнил их в молодости – плоские и гладкие, а не как ныне – изъеденные мелкими оспинками.

«А может быть, совершенно бесформие?» – продолжил он свои думы, почесавши ухо, дабы изгнать из него залетевшую бестолковую муху. Та спасла свою жизнь ценой исполнения отчаянной фигуры высшего пилотажа.

– Всем жить хочется, – прокомментировал ее вираж Старик. – Хорошо жить и сухо.

Мухе в самом деле хотелось найти сухое место, однако в силу некоего счастливого или несчастного¹ случая, большинство окон по курсу были заперты, а немногие открытые – забраны мелкаячеистой сеткой. Муха-горемыка печально вздохнула. Другим попадались дома добротные, зажиточные, о двух этажах – в таких всегда найдется чем поживиться, да она-то сроду невезучая, не светит ей крошками полакомиться...

Расстроенная мыслями о дурной удаче муха наконец разглядела настезь распахнутые ставни. Обрадовавшись, что успеет укрыться от начинающегося дождя, она влетела... прямо в мэрию.

Несмотря на то, что наступления конца света еще не предвиделось, в мэрии явно ожидали сие событие с минуты на минуту (собственно, такое в городке Г случалось каждый раз накануне Фестиваля Сладкой Сказки). Мэр являл собою вулканическое извержение. Словесное, разумеется.

– Внутреннее убранство! Внешняя охрана! Коммунальное хозяйство!

Первый вопль предназначался Чернильнице, которому он диктовал письмо. Второе относилось к сторожу, который жался в углу ковра и рассеянно царапал посохом паркет. Последнее было направлено в телефонную трубку.

– Почему еще не готовы плакаты на арку? Даю последний срок: до завтра к обеду! Составить план мероприятий повышения уровня безопасности, охране надлежит наметить подступы к...

– Нельзя ли помедленнее, я же не диктофон! – возроптал Чернильница, мужчина молодой и статный, чуть ли не предел бабских мечтаний. – Не поспеваю записывать.

Мэр зашипел, как самовар в последней стадии кипячения:

– Мало того, что ты меня прервал, так еще и не следишь за моими словами! Последнее я говорил сторожу!

– Слежу, слежу, уже четырнадцать часов все слежу, а ты не догадался хоть один перерыв сделать. Ни отдыха, ни чашечки настойки из сладких корешков!

– Некогда нам! Некогда! Фестиваль стучит в дверь!

В кабинет вошел Смүф Нарукавкин и елеино улыбнулся:

¹ Чтобы не позволить читательскому интересу уснуть, покамест мы не станем разьяснять Читателю, какая именно случайность случилась тут, так что читайте внимательно дальше. – *Примеч. авторов.*

– Нет, это не Фестиваль, Ваше² благородие. Это всего-то я постучал. Покорно прошу извинить, я заскочил всего за подписью... Вот здесь, прошу.

Размашисто ставя подпись под документами, Мэр доходчиво объяснил Нарукавкину, что Фестиваль Сладкой Сказки – не человек и буквально через дверь не входит.

– У тебя вся родня разве такая недогадливая, Нарукавкин?

– Нет, дядя, не вся.

– Сколько раз тебе повторять: не зови меня дядей в рабочее время!

– Да, дя...

Крепкий родственный пинок выдворил Смуга из кабинета.

– Але! Месье ле мэ-р-р-р! – послышалось из телефонной трубки. Акцент был интуристический.

– Не паясничай! Запрещаю тебе прикидываться иностранкой в моем присутствии!

– Да я только спросить хотела, кому сдавать сор из избы?

– Ждите на площади! Чтобы не скучать – подметите ее! Пришлю рассыльного проверить!

Отбой.

Мэр на миг замолчал, чтобы перевести дух.

– Чернильница! Пиши: за невыполнение пусковых сроков буду привлекать к ответственности виновников. В этом году обойдетесь без премии! Только посмейте мне снова все напортачить!

– ...пор-та-чить... – бойко бубнил вслед за ним Чернильница.

– Ох, дурень... – простонал Мэр. – Нет, это не пиши.

И тогда бабушка Анастасия остановила время.

– Дед Манасий помер! – всхлипнула она.

В наступившей тишине несколько килограммов секунд звонко разбились о пол. Стало холодно, Мэр поежился, зубы его застучали, выбивая дробь в ритме модного танца. Чернильница нервно заскреб пером по пергаменту, обругав себя за недостойные помыслы, что теперь не придется писать еще тридцать приглашений. Сторож стоял, как истукан, но вот шевельнулся, оттаял и повернулся к выходу. Мэр тоже пришел в себя.

– Стой! Куда?

– Он же мой дедушка... – уныло поведал молодой человек.

– А, ну да... Ступай. А по дороге... – Мэр сообразил и махнул рукой. Надо будет послать кого-нибудь другого проверить, подмели ли площадь.

В проем двери просунулась зализанная мордочка Смуга. Вылитый хорек. Нарукавкин тронулся войти, но наткнулся на свинцовый взгляд дяди и попятился обратно. А до Мэра все еще доходило осознание всех последствий внезапной кончины Манасия. Фестиваль летел в тартарары!

Трагизм ситуации пронял наконец Мэра, и он огрел себя ладонью по лбу, спугнув муху³. Она всего на миг потеряла ориентацию, чего оказалось достаточным, чтобы угодить в ловчую сеть Ученого Паука...

Из угла прекрасно были слышны слова Мэра, который не сдерживаясь оплакивал свою горькую судьбу. И так как жаловаться было некому, он вздохнул жаловался самому себе:

– И что мне теперь делать? Как провести Фестиваль без штатного Сказочника? Времени в обрез! На созыв конкурса не хватит! Откуда мне теперь взять нового Сказочника? Что я его, из кармана вытащу?! Нет, это просто в голове не укладывается!

² Эта сноска адресована не читателям (хотя мы уверены, что они ее тайком прочтут), а редактору: если бы Вам довелось услышать, как ележно воркует Смуг Нарукавкин, то знали бы, что он произносит слова «Вы», «Ваш», «Вам» целиком прописными буквами, да еще будто бы на обращения выжал по две бутылки подсолнечного масла. – *Примеч. авторов.*

³ Надеемся, никто не подумал, что мы забыли о мухе? Заблуждаетесь! Читайте дальше и смотрите в оба! – *Примеч. авторов.*

– Куда же ему уложиться-то... – пробубнил тайком Чернильница. Затем вынул из потайного кармана плоскую фляжку и отхлебнул глоток настойки из сладких корешков, не забыв пролить несколько капель на пол, за упокой души.

Отдавая свое внимание фляжке, Чернильница не переставал следить за своим начальником. Он так же, как бабушка Анастасия, приткнувшись тихо к стене в уголке, ожидал от хозяина городка чуда. Тот просто должен был совершить такое и изгнать злосчастье прочь.

А тем временем в соседней комнате Нарукавкин лихорадочно строчил докладную в Главное Управление Сказок: мол, наш Сказочник помер, Фестиваль сорван, Мэр не предпринимает мер...

Рядом со Смуфом неистово царапал шпорами махагоновый письменный стол почтовый голубь. Это неудивительно – ему объявили одноминутную стартовую готовность, вот он и нервничал.

По дороге, однако, голубь встретился со Слепым Орлом, который не разглядел опознавательных знаков вестносца, потому и спокойно посчитал его заслуженным ужином. Мэр же успел доложить о создавшейся неприятной ситуации в Сказочничество по телефону. Из Главного Управления ему приказали ждать.

Утро до обеда следующего дня прошло в хлопотах около похорон старого Сказочника. Куча подробностей по церемонии требовала от Мэра полного напряжения сил. Едва в полдень он урвал немного времени присесть на лавочке на площади, чтобы перевести дух⁴. У него раскальвалась голова от солнца, взор мутнел. Поэтому он не заметил, что столб пыли вдалеке на горизонте поднят чистокровной арабской улиткой, на каких скакали лишь специальные гонцы Сказочничества.

Гонец спрыгнул с седла, бросил поводья подбежавшему рассыльному и отрывисто распорядился:

– Присматривайте за улиткой! И позаботьтесь ее накормить и высушить!

Затем широкими шагами направился в мэрию. Там он застал одинокого Смуфа.

– Деша из Главного Управления Сказок! – возвестил гонец сурово.

– Неужели? – прикинулся удивленным Нарукавкин (а душа его пела, пела). – Наверное, Сказочничество хорошо проинформировано о здешних событиях?

– Да. Мы узнали неприятную новость вчера по телефону.

– Но я послал голубя! – нечаянно проболтался Смиф.

– Не было никакого голубя! – отрезал гонец. – Мэр позвонил, я же сказал.

Легок на помине, Мэр вошел в приемную. Выглядел он пугающе – лицо свисало с черепа, словно вымя выдоенной коровы.

– Что принесли?

– Дешу из Главного Управления Сказок.

Мэр сломал печать из воска и развернул свиток. Физиономия его стала меняться. Нарукавкин побился бы об заклад, что дядя стал похож на ошарашенного муравьеда. В письме сообщалось, что на должность штатного Сказочника назначен господин Хтопало. Кроме того, высшая инстанция выражала свое недовольство недостаточно энергичным ходом подготовки Фестиваля.

Мэр некоторое время переваривал содержание письма, привычно прикрывая текст от племянника, который тоже по привычке норовил подглядывать над плечом дяди.

Несколько минут протарахтели по пути к небытию прошлого. Мэр наконец очнулся и спросил:

– Чего нового в коридорах Сказочничества?

⁴ Пока все еще оставим муху в паутине. Но ты, Читатель, поддерживай огонь своего интереса!

– Те же коридоры, те же люди, те же сказки. Как обычно. Только командировок напоследок стало больше, – хитро подмигнул гонец.

– И на кой ляд мы, глухая провинция, верхам понадобились?

– Инспекторы да ревизоры любят путешествовать. Иногда.

Мэр обреченно простонал и повернулся к рассыльному:

– Ударить на площади в барабан! Зачитать свиток перед населением!

После чего он звякнул Девнице:

– Прибыл гонец из Главного Управления. Устрой его на ночлег. Ну, ты сама знаешь, что делать...

Удары барабана плохо отразились на самочувствии несчастной мухи. Каждый из них глубоко потрясал ее крошечное сознание. А она надеялась найти тихое пристанище! За тем и пробралась в проклятый барабан в щелочку между обтянутой кожей. И теперь вслепую металась туда-сюда, пытаясь найти выход, чтобы смыться из этого громкого места. Проклинала свое пословичное невезение. Сегодня ей едва удалось выбраться из очередного переплета, в который угодила еще вчера. Паутина Ученого Паука спеленала ее на совесть, крылышком не махнуть, лапкой не пошевелить. Да еще и паук проснулся и затоптался в своем гнезде угрожающе... Хорошо, что счастье одних часто упрятано в горе других. Медицинская ошибка со стороны Змеяны Спаски стоила владельцу паутины увечий под инвалидность второй степени. Без трех ампутированных ног Ученому Пауку было трудно лазить по собственной сети. С другой стороны, мэрия выплачивала ему высокое пособие по нетрудоспособности. Так что, даже имея он весь набор своих ног, вряд ли стал бы шагать и проверять, кто там еще поймался в паутину как раз после сытного обеда... Все эти обстоятельства дали мухе время выбраться. Но сейчас... сейчас дело казалось безнадежным.

Как только рассыльный оповестил население о содержании депеши, по толпе пронесся ропот. Старшие бормотали вполголоса, качая головой, но молодежь не стеснялась выражаться и громко улюлюкала в адрес нового штатного Сказочника.

– Какой срам! – вздохнул один из седоголовых граждан городка.

– А раньше были настоящие соревнования, кто кого сказками переговорит! – вспомнил доброе старое минувшее другой гражданин того же возраста. – Я даже участвовал разок...

– И я! И я тоже!

– Снова сверху назначили самого бестолкового!

– А могли выбрать Сказочника из нас!

– Эх, вот был бы конкурс!..

– Вот и я про то – ни один недотепа бы не прошел!

Рассыльный наконец почувал неладное и поспешил очистить от себя площадь, оставив на прицеле общественного недовольства лишь одну мишень – новоназначенца господина Хтопопало. Вакуум бесконечного космоса сжался до небольшой сферы и окружил новоиспеченного штатного Сказочника города Г. Окружили его и городские сорванцы.

– Хтопопало, расскажи сказку! Расскажи нам сказку! Ну расскажи же!

Тот отчаянно попытался сохранить достоинство:

– Идите играть, дети...

– Хтопопало-гдепопало, расскажи сказку! Сказку! Сказку! – стали припевать и скандировать шалопаи.

Хтопопало оглянулся поверх детских голов на взрослых и с удивлением обнаружил, что его сограждане равнодушно оставляют его на растерзание сорванцам, медленно разбредаясь в сторону ближайшего кабака. Тогда он тоже спасся, трусцой отступив к мэрии. А горожане

расселись в кабаке, заказали напитки, да не из сладких корешков, после чего погрузили свое недоумение по поводу депеши в глубокие благие слова. Первым повел речь Вечный Старик:

– Давно, когда я еще был молодым, не было никакого Сказочничества. И тогда нам намного чаще доводилось послушать новые сказки... Кто их придумывал? А сами же сказочники на ежегодных Соревнованиях и придумывали. Приходили балагуры со всех волостей вокруг и даже из дальних приходили. И наперебой старались поинтереснее сказку рассказать, народ потешить. Каждый путник мог себя испытать в сказочничестве. И потом Сказочничество создали из добрых побуждений. Дабы сказки рассказанные не потерялись. Сначала только собирали сказки, но постепенно стали назначать штатных Сказочников... И пошло-поехало...

– Штатный, не штатный, но Хтопопало должен сейчас рассказать новую сказку! – хлопнул кто-то рукой по столу.

– Правильно! Всегда так было!

– Иначе никакой он не Сказочник!

Постепенно разговор раскололся на разговорчики, в кабаке над столами повис гул.

– Я же вам говорила, – повторял Чернильница, – Хтопопало приходится восемнадцатипородным братом Главному Сказочнику.

– А ты это откуда знаешь?

– Знаю, знаю, все знаю. Документы все мной написаны, – важно кичился Чернильница. И не забывал при этом угощаться своим любимым отваром из сладких корешков.

А пока велись эти беседы, Хтопопало приступал к своим служебным обязанностям. Прежде чем поздравить нового Сказочника с высоким назначением, Мэр разразился речью:

– Я верю в тебя, молодой человек! Выбор Главного Управления ни в коем случае не случаен. Да. Все в нашем маленьком городе уверены, что ты сумеешь рассказать самую хорошую сказку всех времен и Фестивалей...

И так далее. Хтопопало слушал, кивал и усмехался про себя. Вспоминал, как мама пыталась устроить его на приличную должность. Но как раз эта вряд ли была самой удачной – теперь надо напрягаться и выдумывать сказки, мозолить людям глаза, подвергаться насмешкам... С другой стороны – работа надежная. В нынешнее время ничто не гарантировано, приходится удовлетворяться тем, что есть. На всякий случай он счел нужным показать Мэру волнение – стал топтаться на месте, тихонечко вздыхать. Мэр, однако, истолковал это как нерешительность и встревожился еще пуще. Даже подошел и отечески похлопал молодого человека по плечу.

– Не падай духом! Твоя судьба в твоих руках! Куй железо, пока... в смысле... куй слова на сказки, пока... ты меня понял. Рассыльный проводит тебя в твой кабинет. Твое ответственное рабочее место, так сказать... Поверь мне, я искренне желаю тебе успехов и высокой урожайности... творческого плодородия... ты меня понял. Ступай!

Смуф Нарукавкин чутко подслушивал, прилепив ухо к стене, и довольно потирал руки. Приходит конец твоей карьере, дядюшка! Новый Сказочник точно провалится! Просто не под силу ему придумать сказку! И кого привлекут к ответственности, дядя? Вот то-то! И тогда наступит мой час...

Кабинет представлял собой роскошное монолитное иглу. Рассыльный распахнул дверь и учтиво пригласил Сказочника войти первым. Хтопопало критически осмотрелся. Грубо скованные деревянные нары, изъеденное мышами и молью одеяло. Застоявшийся воздух сопротивлялся дыханию, воняло плесенью. Заметив гримасу неодобрения на лице Сказочника, рассыльный поспешил пояснить:

– Это просто магия, вонючкозаклинание. Туристам нравится, ты же сам знаешь.

Хтопопало непонимающе кивнул.

– Комната для размышлений вот здесь... – Рассыльный легко сдвинул с места почерневший камин, за которым оказались выложенный камнями коридор и ступеньки вниз. Сводчатый потолок был сухим и чистым.

– Да, это уже другое дело, – расслабился Хтопопало. – Тут вполне можно делово размышлять.

В комнате имелись: мягкая постель с периной, настенный бар, огромная библиотека, набитая до треска тяжелыми сборниками сказок. И видак с записями сказочных фильмов – крути до отвала.

Новый Сказочник уселся удобно в кресло за письменным столом, на котором стояли чернильница с гусиным пером, самопишущая машинка и диктофон.

– Панель кондиционера за дверью, – добавил Рассыльный. – С вашего позволения я удаляюсь, чтобы не смущать ваше спокойствие. Желаю придумать наичудеснейшую сказку!

Мэр тем временем бил тревогу перед своими сотрудниками:

– Фестиваль в опасности! Вам я могу прямо сказать, что надо ждать ревизоров. И это при том, что без времени скончался старина Манасий, земля ему пухом, и город остался без Сказочника. Хтопопало, он человек молодой и надежный, вполне положительный гражданин, но для ремесла Сказочника требуется нечто большее. Только мы в состоянии спасти Фестиваль!

Исполняющая обязанности секретарши по особым поручениям Девица преданно смотрела начальнику в рот. Чернильница украдкой рисовал неплохие шаржи на присутствующих. Учитель и Поп резались в домино. Хаджи Иванушка, председатель общинного банка, рассеянно ковырялся в носу, а сторож дремал, подперевшись самострелом. Смуф Нарукавкин же столь сосредоточенно слушал слово дядюшки, что по невниманию проглотил муху, которая наконец сумела выбраться из барабана, оставленного под столом рассыльным. Смуф поперхнулся, не понял, что ему попало на язык, пожевал и сплюнул в угол⁵. Выражение досады на его лице подействовало на терпение Мэра, как детонатор на ящик динамита.

– Меня здесь вообще кто-нибудь слушает?! – заорал Мэр. – Я тут один, что ли, надрываюсь во имя общественного блага?!

Публика вздрогнула и приняла деловой вид. Мэр свирепо посмотрел на каждого в отдельности и продолжил:

– Мною получены достоверные сведения о составе инспекционной комиссии Главного Управления Сказок. Заняться ими придётся вам. Каждому будет по поручению... Но прежде всего, надо обратить внимание на Главного ревизора. Вы же знаете, как это делается...

Ревизора встретили Поп и Учитель. Начал божий служитель:

– Добро пожаловать, ваша милость! Сколько лет, сколько зим! Заждались! – и полез обниматься и лобызаться.

– А разве мы раньше виделись? – Гость стал отбиваться.

– Виделись, виделись, – подоспел с другого фланга Учитель. – Два года назад мы видели ваше выступление по телевидению. Передача была про взяточников...

Не давая Ревизору опомниться, побежала в лобовую атаку Девица. Она несла поднос с хлебом-солью, но, как бы случайно, над ними доминировал ее бюст. Подбежала и закудахтала:

– Милости просим, по старинному обычаю... Екскюзе муа, что опоздала, но как без ле маникюрь, ле педикюрь, сами понимаете...

Поп пихнул Девицу локтем в пухленький бок – не импровизируй, дура!.. И пригласил соборным басом:

– Пожалуйте на отдых с дороги ко мне домой, наверное, попадья уже петуха зажарила.

⁵ Надежда умирает последней, но мухи выносливее. На этот раз не будем вообще говорить про невезенье, всем понятно, что у этой мухи его в избытке.

Хтопопало скоро понял, что чтение – весьма скучная деятельность. Начнешь книгу с начала – засыпаешь к середине. Начнешь с середины – непонятно, о чем речь. А когда начинаешь с конца, история кончается слишком быстро. Новоназначенный Сказочник обратил светлый взор на видео. За одну ночь, вооруженный пультом дистанционного управления, он справился со всеми двадцатью кассетами. Неинтересные места прокручивал на высокой скорости.

На следующий день, едва проснувшись, Хтопопало пошел в «Желтую лавочку» пожилой Похабушки. Она встретила клиента, олицетворяя собой саму услужливость.

– Возьмите последний номер журнала «Он и Она», – посоветовала г-жа Похабушка. – Есть эксклюзив из заведения Маман Спящей Красавицы. К номеру бесплатное приложение – двенадцать цветных плакатов ее озорных девушек.

Хтопопало покорно взял журнал. Взял еще стопку других изданий, но не спешил прощаться.

– А че-нить эдакое попикантнее имеется? – спросил он. – В смысле... – Сказочник щелкнул себя по горлу.

Похабушка кивнула, наклонилась и выудила из-под прилавка упакованную в плотную бумагу бутылку.

– Фирменный самогон. Все? Семь серебряников, три сантима.

Сказочник расплатился и вышел.

Надула меня Похабушка, думал он, разбой среди бела дня! Знает ведь, что выпивку он по роду службы может купить только нелегально. Представить страшно, что произойдет, если его застукают пьяным в рабочее время. А оно круглосуточное...

Он успел вернуться на свой пост за минуту до прихода Ревизора, едва успев припрятать бутылку. Затем встретил гостя, который не без усилия приступал к своим обязанностям:

– Думаете, думаете?

– Стараемся, – скромно отвечивал Хтопопало.

– Хорошо, хорошо, так держать! Главное, чтобы сказка получилась о-риги-нальная!

Ревизор назидательно поднял вверх палец, после чего поспешил на воздух: от атмосферы в приемной каморке Сказочника его мутило.

Поп и Учитель подхватили Ревизора под мышки и поволокли его прямо в мэрию.

– Как прошла проверка? – лучезарно поинтересовался Мэр, стараясь улыбкой пережеголять легендарного Сеятеля Широких Улыбок. – Вы довольны?

Ревизор еще не успел прийти в себя, но попытался ответить подробно и почти успел:

– Не стану отрицать, что ваш новый Сказочник произвел на меня... их... благоприятное... впечатление. Сразу видно... серьезный молодой человек. Так и напишу в своем докладе. Я вижу... что вы принимаете все необходимые меры по подготовке Фестиваля.

– Стараемся, – скромно отвечивал Мэр.

Ревизор сделал над собой усилие и изрек:

– В принципе, я должен остаться у вас до послезавтра... но, так или иначе, недостатков не констатировал, все изрядно, моя работа закончена... я предпочел бы отбыть сегодня же. Только вот командировочные...

Мэр понимающе нажал на кнопку звонка.

– Смуф! Смуфик!

Никто не явился.

– Куда он запропастился? Сейчас я принесу печать.

Мэр вышел из кабинета. Мгновение спустя в полузакрытую дверь прошмыгнул Нарукавкин.

– Извините за беспокойство, Господин Ревизор!

– Ага... – ответил осоловевающий гость. От вчерашнего угощения и от воздуха в приемной Сказочника его снова развезло.

– Смею ли спросить – это проверка по сигналу?

– Гы... не-а. Обычное рутинное...

Сердце Нарукавкина замерло, радость покинула его панически. Через некоторое время Смиф снова ощутил в себе пульс.

– А как же мое второе донесение?

– Никаких дополнительных донесений ко мне не поступало! – пропел Ревизор в полный голос.

Тяжелая ладонь Мэра обрушилась на плечо племянника.

– Ты где шляешься? И что ты сейчас тут делаешь?

– А... Да вот, слушаю его, как поет.

– Он тебе не канарейка, а Ревизор! Брысь отсюда! – прошипел дядюшка в ухо Смифу.

Тем же вечером мэрские люди подожгли слухами городок с четырех сторон. Девушка повторяла направо и налево:

– Господину Ревизору очень понравилась сказка, над которой работает Хтопопало.

Старушки в церкви мелко крестились, не в страхе перед Господом, а от удивления, ибо батюшка вместо молитв твердил нечто невероятное:

– Боже, храни нашего Сказочника! Сам Ревизор им восхищен. Изволил также глаголетти, что с господином Хтопопало нашему городу светит благое будущее-е-е-е, аллилуйя, ами-и-и-нь...

А в кабаке Чернильница доверительно, каждому на ухо сообщил, что протокол проверки весьма хвалебствен. Горожане не захотели его слушать:

– Ты нам лапшу в уши не пихай, писарская твоя душонка! Меньше заливай!

Раздраженный недоверием, Чернильница стукнул вилкой о стакан.

– А вот не заливаю! Я же сам эту бумагу переписал в трех экземплярах, вот!

На это нечего было возразить, люди приумолкли. Лишь Вечный Старик выразил в уме определенные сомнения.

Хаджи Иванушка выбрал из сундука кошель поувесистее, сунул деньги в пояс и направился к Улице Гадателей. В начале ее размещалась контора гадателя по внутренностям животных. Живодер лично вышел встретить ростовщика.

– День добрый, хаджи! За чем путь держишь?

– Добрый день. За благоприятным прогнозом, сам понимаешь...

Живодер стал заламывать руки:

– Ах, благоприятный прогноз будущего требует зарезать самого крупного барана...

– Средства не проблема, – Иванушка многозначительно похлопал себя по поясу.

– Милость Богов нелегко заслужить! – уперся живодер-гадатель.

– Верю, что ты постарайся. Сколько? – в упор спросил ростовщик.

Вторую контору занимал местный дервиш. Увидев, кто вошел, он кинулся встречать гостя поклонами:

– Селям алейкум, чорбаджи!

– Алейкум селям, эфэнди!

– Сейчас я угадаю, зачем Аллах послал мне такого гостя... – Дервиш закатил глаза, устремив внимание в неопределенную даль. – Хаджи пришел задать мне важный вопрос! Спрашивайте, спрашивайте!

Хаджи Иванушка коротко растолковал.

Схожим образом прошли посещения предсказателя по хрустальным шарам, экстрасенса, жрицы Иштар (правда, у нее хаджи задержался подольше), авгура, гадалки на кофейной гуще, местного представителя концерна «Дельфийский оракул» и ещё дюжины деловых людей в бизнесе с будущим.

Выходя из светлицы Кассандры, председатель банка ощущал кошель уже совсем отощавшим, отвлекся и потому чуть не столкнулся с батюшкой Попом.

- О, привет, батюшка.
 - Бог подаст, сын мой... Насколько ты преуспел в рвении своем?
 - Обошел язычников, вот.
 - Да вознаградит тебя Господь, чадо, но бойся искушения, особенно язычниц...
- Оба перекрестились.
- Спасибо, батюшка. А у тебя как?
 - Встретился с пророками и святыми, обещали содействовать...

Сорванцы подкараулили Сказочника перед лавочкой Похабушки. Быстро прикинув, чем придётся пожертвовать, Хтопопало принял мгновенное решение. Он бросил обреченные журналы и присосался к бутылки. Самогон булькал всю дорогу к приемной, Сказочник уснул на полу, а сорванцы вытащили у него из-за пазухи пикантный плакат Золушки. Не найдя больше ничего, они нарисовали храпящему хозяину усы зубной пастой «Кариес», изобретенной алхимиком Кух Пфу, про которую говорили, что ее охотно покупали члены лиги «Добрых молодцев» вместо пороха.

День был пятница – базарный день, согласно обычаю в городке Г. Приходили люди из близких сел, а иногда даже из соседних городков. Не столь базарить, хотя и торговля шла бойко, сколь на мир посмотреть, себя показать, свежими слухами запастись, своими сплетнями поделиться. Разумеется, новости должны были быть похлеще тех, которые печатаются в желтой прессе. Кроме того, по традиции, в пятницу почти все известные гадалки проводили брифинги, оглашая свои прогнозы на неделю. Так что было что послушать и что обсудить за кружкой пива и рюмкой самогона.

Вот Кот Ученый, весь самодовольный, усы в непросохшей сметане, объясняет компетентно:

– Авгур, который гадает по полету птиц, мян-мян, предсказал весьма успешный дебют нашему Сказочнику. Экстрасенсу, кстати, его дух тоже такое нашептал. Честно говоря, в интересах истины должен вам сказать, что оба эти типа – сущие мошенники. Верить их прогнозам – нелепо. Хотя бывает, что угадывают. И, скорее всего, на этот раз угадали, потому что из филиала «Дельфийского оракула» сообщили то же самое.

Народ пришлый дивился:

– Удивительное совпадение!

– Но и это не все. Гадалец на хрустальных шарах весь Фестиваль посмотрел, хотел на видак записать, да предохранитель перегорел. На финальной сцене Сказочника все хвалили, даже на руках носили!

Народ местный засомневался:

– Да быть не может. Заговорились предсказатели!

– Как это заговорились?! Они и раньше, бывало, верно нагадывали. Я помню кучу случаев, когда сказанное сбывалось. Вот например...

Неподалеку по теме о Фестивале говорила группа молодых людей, не старше самого Сказочника:

– Этот Хтопопало придумал сказку, круче не бывает! Пока ее знают только Мэр и Ревизор, который вчера уехал обратно в Сказочничество.

– Я тоже об этом слышал. Сказка клевая. Никто еще такую не придумывал! Такую вообще ни один человек не может придумать!

– Ты на магию намекаешь? Да ну тебя... Кто не знает Хтопопало, он в школе сигарету без спичек не мог зажечь, какой из него заклинатель, ради Бога? Сложная магия выше его возможностей!

– А ведь верно. Он меня все время просил дать прикурить.

– Но посмотри на него сейчас – сидит себе в иглу на площади, думы думает, а мы с тобой продаем бананы. Пряма-таки не верится!

– Мне кажется, тут не все чисто.

– Чисто, не чисто, такова се ля ви. Слушай вон что гадатели говорят.

На окраине рыночной площади, в тени кипарисов укромно ютилась кокетная лавочка. На ней сидели, сплетя руки, Он и Она, сидели и тихо ворковали:

– Ты знаешь, новый Сказочник – мой друг детства.

– Ах, что ты говоришь?

– Правда, правда. Мы однажды подрались, я ему нос расквасил.

– Ах, какой ты сильный!

– Ну, драка была пустяковая, мы даже не дрались, а просто пихались понарошку.

– Ах, какой ты благородный!

– Хочешь, тайну скажу?

– Ах, тайну!

– Да, тайну. Мы с Хтопопало вчера встретились случайно, и он мне как другу детства свою сказку рассказал, которую к Фестивалю сочинил.

– Ах, сказка! Расскажи!

– Не могу. Я ему слово дал.

– Фи... Если ты меня любишь, расскажешь!

– Ладно, только обещаю молчать и никому ни звука.

– Обещаю.

– Сядь поближе и дай ушко, чтобы никто не подслушал...

Через пару минут с лавочки прозвенел девичий смех:

– Хватит, хватит, щекотно!

Наутро Хтопопало проснулся с тяжелой от похмелья головой. Но не только это угнетало штатного Сказочника города Г. Появилось еще и беспокойство. Оно зародилось в пальцах (ног), распространилось вверх, словно теплая нервная судорога, и обхватило его целиком. Хтопопало ощущал свое сердце, словно погруженное в ванну с жидкостью под высоким давлением, в горле засел тугой комок, похожий на бутылочную пробку. Молодой человек вдруг осознал, что завтра ему надо рассказать готовую сказку, причем рассказать ее гладко и перед публикой со сцены. Осознав сей факт, он попробовал разные способы вызвать в себе вдохновение. Но спать не хотелось, а за выпивкой невозможно было сбегать: возле иглу околачивались толпы любопытных, не прорваться... Тогда он прибег к последнему средству – с видом обреченным уселся на нары и принялся выдумывать сказку. Он немало за свою жизнь сказок выслушал, так что, вроде бы, дело само по себе нетрудное. Скорее досадное. Так ему казалось до первой попытки. Наверное, причина неуспеха была в нарах. Сказочник спустился в комфортабельный кабинет и попробовал творить пером. Но оно оставляло на бумаге большие кляксы. На самопишущей машинке оказалось не легче – после каждой ошибки приходилось менять лист, полуселся скомканными бумажными неудачами. Хтопопало взял диктофон. Включил. Помолчал. Выключил. И вздохнул – эх, если бы эта штукавина могла сама сочинять и записывать...

В мэрии Смүф Нарукавкин старался над доносом в Главупрсаказ против дяди. Он как раз кумекал, как правильно перенести слово «бесхозяйственный», когда в комнату ворвалась пресса:

– «Большое осеннее хихик», репортер Воскрессия Воистинская!

Смүф молниеносно прикрыл лист рукой и машинально ответил:

– Воистину воскресе... Простите, разве Пасха не прошла два месяца назад?

– При чём тут Пасха? Меня зовут Воскрессия Воистинская, я репортер газеты «Большое осеннее хихик».

– Очень приятно, госпожа Воистинская! Я – Смүф Нарукавкин, служащий в городской управе.

– Могу ли я видеть господина мэра?

– Отсутствует. Но я к вашим услугам, если пожелаете. Сочту за честь послужить делу прессы. Общественность должна знать! Не правда ли?

Журналистка тряхнула прической от удивления. Нарукавкин поспешил развить мысль:

– Могу предложить прогулку по городу, посещение иглу, где работает наш Сказочник. Могу даже приподнять перед вашими прекрасными карими очами кулисы, кои укрывают некоторые тайные подробности подготовки Фестиваля...

– О-о!

– Доверьтесь мне, мадемуазель! – вдохновенно призвал Смүфик, то ли умоляя, то ли заклиная. – И я не обману ваших чувств! Я поднесу к вашим прелестным ножкам настоящую сенсацию!

– О-о-о-о!

Воскрессия Воистинская не смогла устоять перед последним соблазном и игриво стрельнула глазками в причесанную бумажную крысу, которая томно взирала на нее. Чутье репортера угадывало в крысе надежный источник пикантной информации.

Больше никто не спросил, куда пропал Мэр. На площади закруглялись с подготовкой к событию. Заменяли перегоревшие вечные огни мастера Кух Пфу на электрические лампочки накаливания подмастерья Эдиссона. Однако гвоздем аттракций был Семиголовый змей, нанятый из соседнего уезда развесить воздушные рекламы на специальных шарах.

Должно быть, гневное письмо Мэра возымело эффект, ибо лодыри из службы Внутреннего украшения состряпали вполне приличный транспарант: «Добро пожаловать на Сказочный Фестиваль!» Озвучители в последний раз проверяли микрофоны, над городком носились набатные голоса:

– Раз, два, три, проба! Раз, два, три, проба!

Мэр вернулся под вечер, видимо утомленный. Но тут же отправил рассыльного позвать ответственных людей. Через десять минут городской актив был в сборе, даже Девица умудрилась не опоздать. Наступила усталая тишина.

– Ну, вы знаете, какое дело... – изрек Мэр и уронил голову на стол.

Никто не посмел его разбудить, настолько истощенным тот выглядел. Первые лица Г один за другим выскользнули из кабинета.

Первым на Фестиваль, тем же вечером, прибыл Гатун, недавно произведенный в звание Старшего мблодца. Он с ракетным воем припарковал свой агрессивно-оранжевый кабриолет, нарушив при этом чуть менее чем все правила дорожного движения. Сторож, он же исполняющий обязанности местного шерифа, повернулся к Мблодцу спиной и пошел прочь, беззаботно насвистывая веселую арию. Подбежала Девица, принесла хлеб с солью и перцем. Так как Мэр все еще спал, как прибитый, Учитель произнес приветственное слово о крепком и плодотворном сотрудничестве между Молодцевство-Богатырством и Сказочничеством.

Наконец пришел черед Чернильницы:

– А теперь, как заведено, поднимем Чаши сии!

Гатун широко улыбнулся.

– Спасибо. Я много слышал о вашей настойке из сладких корешков.

– Хозяина кабака предупредили, чтобы вынес из погреба и бутылку соленых корешков, урожая года основания Сказочничества. Слов нет описать сей вкус!

– Значит, остается только попробовать.

Оба сели за столик для важных гостей, прислуга засуетилась возле них. Затем пошла вереница тостов и Чаш. Чернильница ловко дирижировал попойным концертом, меняя напитки сладкие и соленые. Через некоторое время Гатун с трудом выдавил:

– Друг... ты мне не скажешь, что за имя такое у вашего городка: Г?

– Существует множество версий, гипотез и теорий, – охотно поведал собутыльник доброго Молодца. – Но мое мнение, что это сокращение от «Гадатель». Наш край всегда славился хорошими гадателями.

Беседа продолжалась, слово все чаще брал и все дольше держал Чернильница.

Ранним воскресным утром Батюшка и Учитель нервно мялись перед мэрией. Обсуждали Мэра.

– Еще спит? – спросил Поп.

– Еще, – ответил Учитель. – Вчера был очень изнуренным.

– Ты успел проведать, куда он ходил?

– Нет. Никто из наших не знает. Напоследок старик очень скрытным стал.

– Это от напряжения. Стресс. Нервы. Лучше давай возьмем дело в свои руки! – попыток жил Батюшка.

– Лучше придержимся плана! – отрезал Учитель. – Если бы надо было что-то менять, он бы сказал.

– Он, наверное, просто не успел, сном сморило. Давай разбудим?

– Пусть еще немного отдохнет. Сегодня день будет трудный, сил пускай наберется.

– Так тому и быть, – согласился Батюшка. – Скажи остальным, что действуем, как договорились. Бог нам в помощь!

Стали съезжаться официальные гости. Прибыл Критик-мясник на личной черепахе. Первым делом он обругал рассыльного, что недостаточно внимательно тащит чемоданы с ножами, топорами и прочим инструментом критического ремесла. Лишь после этого обратил внимание на Девуцу с хлебом-солью.

– Добро пожаловать... отведайте... – сомлела она под суровым взглядом Критика.

Тот отломил шматок, которым бы подавился и бегемот, жевнул одним зубом и проглотил, словно крошку. Девуца лепетала:

– Я вас провожу в ваши хоромы...

Критик рыкнул нечто невнятное в знак согласия.

– Но сначала хотела бы попросить вас...

Гость насупился.

– ...дать мне автограф? Будьте любезны...

– А, это. Давайте.

– К сожалению, я забыла свой альбом дома, но если вы не против заскочить ко мне в светлицу...

Критик окинул Девуцу критическим взором. В его лице проснулся хищник.

– Почему бы нет?

Кокетливо взяв Критика под руку, Девуца проворковала:

– Я сварю обалденный кофе...

И пошли, словно Бриджит Бардо и облысевший Колобок.

Приблизительно в то же время Сторож занял позицию в охотничьей засаде, из которой городские первые лица стреляли диких уток. Однако сейчас цель его была иной, и она скоро показалась, сидя по-турецки на ковре-самолете. Сторож не спеша зарядил самострел нервно-паралитическими патронами и внимательно взял мишень на мушку. На фоне голубого неба Маленький Мук с его островерхой красной шляпой представлял собой отличную цель. Грянул выстрел и устранил очередного члена комиссии.

С чувством выполненного долга Сторож проследил, как пораженный объект пикирует и шлепается в болотце, после чего вызвал по радиации карету скорой помощи к месту авиакатастрофы. После чего он же побежал организовать спасительную операцию.

Емеля на русской печи примчался вовремя, воя дымом из трубы, кинул пострадавшего на носилки и снова умчался в даль, где находилась больница. Сторож остался расследовать причины инцидента.

Оставался последний проверяющий – Читатель-испытатель. Он тоже приехал в Г на черепахе, но, в отличие от Критика, транспортом пользовался служебным. Был одет он более чем странно: желтый противорадиационный костюм, протекторы на коленях и локтях, каска, чоботы на свинцовой подметке. Недоумение само вырвалось из уст хаджи Иванушки:

– Помилуйте, куда вы так нарядились?! У нас Фестиваль Сказки, не Маскарад антиядерщиков!

– Прошу прощения, но я только-только с задания. Испытывал новую книгу массового поражения – бестселлер. Не осталось времени переодеться.

– Понимаю, – кивнул сочувственно ростовщик. Затем подал условный знак Смифу.

Так как у Девы появились ангажементы (служебные), Нарукавину пришлось поднести хлеб-соль-перец гостю.

– Пойдемте ко мне в офис, – предложил дружески хаджи Иванушка отважному испытателю. – До начала мероприятия есть еще время. Угощу вас чашкой кофе, вы должны прийти в себя после полигона.

– Благодарю. Знаете, эти испытания в самом деле прошли тяжело.

– У вас опасная профессия. Наверное, очень утомляет?

– Да, очень.

– Но жалование, должно быть, отличное!

– Да что вы... почти только ради славы работаем.

После кофепития широкие карманы желтого костюма вздувались и звякали серебром.

– И обязательно познакомьтесь с Маман Спящей Красавицей! – сказал ростовщик Читателю-испытателю на прощанье.

– Скорее всего в следующий выходной получится.

После обеда Мэр наконец проснулся. Солнце весело припекало за окном, он широко улыбнулся в ответ. В приемной Батюшка и Учитель как раз упрасивали рассыльного разбудить шефа.

– Уже поздно будить! – прервал их спор Мэр. – Я что-нибудь проспал? Как идут дела?

– Ну, как обычно, – хором ответили они. – Все движется по плану. Гатун пьян, как казак, еще со вчерашнего вечера. Критик-мясник у Девы... (Мэр на миг поморщился, но быстро овладел собой)... она его уже полностью охмурила. Мук в лазарете с сотрясением мозга, Читатель-испытатель пьет кофе с хаджи Иванушкой в офисе, не знаем, что там происходит...

– Все улажено! – возвестил с порога ростовщик.

– Ну, значит, все, – Учитель развел руками. – Сделано все, что можно было сделать, кто может больше, пусть попробует.

– Вы справились с кризисом отлично! – похвалил их Мэр. – Но все это было лишним.
– ?!

– Ну, знаете, как это делается... – начал было он, но не успел объяснить. Наступил долгожданный момент открытия Фестиваля.

Накануне вечером Хтопопало твердо решил смыться. Жалкие попытки сотворить хоть какое-то подобие сказки не привели ни к чему. Раздраженный, он лег спать, чтобы на рассвете покинуть навсегда город. Однако произошло чудо, и сейчас он спокойно слушал скучноватую речь Мэра. Причиной его спокойствия был волнующий сон. Настолько связный, что мог бы сойти за сказку. На свежую память он набубнил сновидение на диктофон, прослушал запись три раза и с чистой совестью завалился досыпать. Зачем бежать, раз появилась возможность блеснуть и снискать славу достойного Сказочника Г?

Он встрепенулся от аплодисментов публики – речь Мэра закончилась. Сказочник огляделся. На официальной трибуне сидел одинокий Читатель-испытатель. Ему дали слово, но он оказался краток. Наступил черед Хтопопало.

«Сейчас я вам покажу, на что горазд», – подумал ровно он и начал свой рассказ:

– Жил-был мальчик. Когда ему исполнилось шесть лет, он увидел в одной книге, как боа глотает целиком пойманного зверя. Мальчик очень любил мечтать о приключениях и о путешествиях в джунглях. Он нарисовал свои мечты и показал взрослым...

В первом ряду публики толпились дети. Все они вооружились трещотками и свистками, чтобы освистать бездарного Сказочника. Но он не оставил им возможности показать свою пословичную вредность. После первых его слов сорванцы заслушались, а потом вовсе забыли о трещотках.

– ...первая овца казалась больной, вторая была похожа не на овцу, а на барана, третья получилась слишком дряхлой. Тогда авиатор потерял терпение, нарисовал ящик и сказал: «Овца, которая тебе нужна, сидит в ящике...»

К середине рассказа прибежал Критик с ножами и тесаками наготове, умудряясь повязывать на ходу галстук. Удивленный мертвой тишиной публики, он остановился и наострил ухо.

– ...«У людей есть ружья, – сказал Лис, – они ходят на охоту. Это очень неприятная привычка! Но люди разводят кур. Их больше ничего не волнует, только куры и ружья». Потом спросил: «Ты ищешь кур?» Маленький принц ответил, что он ищет друзей...

Когда Хтопопало произнес последние слова сказки, публика устроила ему овацию, после чего предалась народному гулянию, не переставая хвалить сказку нового Сказочника.

К вечеру городок Г постепенно вернулся к обыденной жизни. Проводили официальных гостей, почистили площадь от мусора, так как туристы всегда мусорят. Тишина снова смешалась с чистым воздухом, а спокойствие замурлыкало возле камина в кабаке.

Мэр и его верные помощники собрались отпраздновать успех Фестиваля в мэрии. В разгаре вечеринки хаджи Иванушка, многократно подчеркнув напрасную трату нескольких пригоршней серебряников, не выдержал и спросил прямо:

– Начальник, тут все свои, расскажи, наконец, как ты успел сварганить дело с этим недотепой Хтопопало? Долотом выбил ему сказку на мозгах? Или в уши ему ее залил? Неужто он в самом деле оказался тайным гением?!

– Ага, гений... Полюбовался бы ты на гения, если бы я не ходил через Кудыкину гору за Сосисочным перевалом к Старой Колдунье! Еле ее уговорил... Но она не простую сказку ему в голову вбила, а сказку из иного мира! Все чисто, комар носа не подточит.

– М-да, пропали бы мы без тебя, Начальник! – запричитал Учитель.

– Господи благослови нашего Мэра! – поддержал признание и Батюшка.

С дальнего края стола подал голос и Смүфик:

– Ты просто незаменим, дядюшка!

И на этот раз Мэр не отчитал его за панибратское обращение.

В тостах прошел вечер, а на следующий день в мэрии сидел один Нарукавкин, остальные спали богатырским сном после празднования успеха. Поэтому никто не заметил, что столб пыли вдалеке на горизонте поднят чистокровной арабской улиткой, на каких полагалось скакать лишь специальным гонцам Сказочничества.

Гонец спрыгнул с седла, бросил поводья подбежавшему рассыльному и отрывисто распорядился:

– Присматривайте за улиткой!

Затем широкими шагами направился в мэрию. Там он застал одинокого Смуфа.

– Делеша из Главного Управления Сказок! – возвестил гонец сурово.

– Неужели? – прикинулся удивленным Нарукавкин. А душа его снова пела, пела... –

Подождите господина Мэра, сейчас будет...

Мэр пришел заспанный, сломал печать из воска и развернул свиток. Физиономия его стала меняться (Нарукавкин побился бы об заклад, что уже видел дядю похожим на ошарашенного муравьеда). В письме сообщалось, что его снимают с должности и назначают на его место господина Смуфа Нарукавкина. Мэр некоторое время переваривал содержание письма, привычно прикрывая текст от племянника, который тоже по привычке норовил подглядывать над плечом дяди.

Несколько минут отбыли в небытие прошлого. Мэр наконец очнулся и подал свиток Учителю.

– Зачитать на площади, – сказал он и пошел к двери.

Перед его лицом зажужжала муха⁶. Мэр, уже Бывший, махнул рукой, поймал досадное насекомое и раздавил его в кулаке. Но и этого ему показалось мало, он бросил муху на пол и старательно размазал ее по паркету ботинком⁷.

Через несколько дней Девица вошла в приемную, где раньше трудился Смуф. Сейчас его обязанности исполнял Бывший Мэр – бил печати, ставил входящие номера, раскладывал бумаги... Девица была настолько серьезна, что даже не стала французничать. Кротко поздоровалась:

– Добрый день, шеф.

– Привет, милая, но я уже не шеф.

– Для меня ты всегда останешься Шефом, шеф.

– Хм!

– Я пришла попрощаться.

– Ты уезжаешь?

– Да, в столицу. Буду работать личной секретаршей Критика-мясника. Он ждет меня на улице на белом пегасе.

– Ну, хоть ты от всей этой заварухи не в накладе, а даже наоборот... Желаю успехов! И личного счастья... Да! Личного счастья. Будь здорова.

Но Девица заставила его подняться и поцеловаться на прощанье. Она утерла предательскую слезу, он же не посмел утереть свою, пока Девица не вышла.

Бывший Мэр открыл окно, чтобы помахать ей вслед. И увидел, что пегас был грузовым. В горле Бывшего Мэра затрепыхал грустный смех.

Вечный Старик любит говорить:

⁶ Ага, ТА САМАЯ.

⁷ Увы, читатель, напрасны были твои чаяния, никому не дано избежать своей судьбы, даже мухам. Не отчаивайтесь, она может перевоплотиться для новой жизни в слона. Карма невезенья, однако, скорее всего, останется...

– Никто не знает, что теряет, когда обретает, и что обретет, когда потеряет!

Перевел Николай Теллалов

Атанас П. Славов. Сны для Космодора

– Внимание, Космодор первого ранга Гавон Рен-барх! Готовность к старту!

Индикаторы излучали неистово-яркий желтый свет – сигнал нулевого поля. Деформированное пространство гасило звезды на экране.

– Космодор первого ранга, Гавон Рен-барх! До старта остается восемь... Семь... Шесть...

– Космодор первого ранга, Гавон Рен-барх! – Величественный голос Доктринера врезался в диктовку автомата. – Жду очередного вашего успеха в очередной вашей миссии. – Старт!

Автоматика вытолкнула корабль в нулевой тоннель и отключилась. С этой минуты Гавон был предоставлен самому себе. Отвратительное головокружение, появившееся еще при первом переходе, упорно не желало проходить. Поэтому, когда переходов стало уже четыре, Гавон решил отдохнуть...

До Солнечной системы оставалось несколько световых месяцев – ничтожное расстояние для тахионного локатора. Гавон, восстановив силы в биокамере, вернулся в кабину полный кипящей бодрости. Пульт приятно охлаждал пальцы. Тихие пощелкивания переключателей оживили экран, который с этого момента должен был стать продолжением его зрения.

Наконец Гавон увидел Солнечную систему не в записи станции 300, а воочию. Мощность локатора давала возможность рассмотреть каждую планету в отдельности, но сейчас не это интересовало Космодора.

Внимательно, градус за градусом, луч локатора, как огромный указательный палец, водил по пространству за орбитой Плутона. Гавон предоставил эту однообразную работу кодовому компьютеру и удобно устроился в кресле. Мир был чудесен. Вкусная еда, съеденная с аппетитом перед отлетом, теперь разносила по телу Космодора глубокую уверенность в правильности жизни. Экран развешивался перед ним широким полотном привычного и удобного космоса, который существовал, чтобы быть завоеванным настоящими и твердыми мужчинами – такими, как Гавон Рен-барх.

Несколько лет тому назад станция 300 зарегистрировала в этом неизученном районе галактики довольно развитую культуру технического типа – подобную цивилизации на Дархе несколько веков тому назад.

Для покорения цивилизаций такого типа давно были разработаны стереотипные инструкции. Несомненно, случай был ниже уровня его способностей, но Гавон, как всегда, старательно занялся им. Освоение чужой культуры было для него, как произведение искусства, – скромное, но отмеченное его гением.

Мысль о качествах интеллекта была едва уловимой, но психономатор моментально отреагировал, и в углу экрана появились три основные психономические характеристики: сложность интегральных связей – 97 %, скорость анализа – 78 %, результативность анализа – 90 %.

Гавон мог даже не задерживать взгляд на индикациях – уже несколько лет его интеллект безотказно работал в данном наиболее оптимальном режиме и радовал душу безошибочным ходом. Сапиенсоиды Алгоро могли убедиться в этом уже после вторых переговоров, когда несколькими тонкими намеками он сумел заставить обе враждующие коалиции забыть свои договоры и после короткой изматывающей войны сделать планету пригодной к колонизации. Земноводные Ваама так и не сумели разобраться, как космический гость убедил их верховное божество не высиживать целое поколение яиц, что привело к необходимости приносить ему в жертву по десять грузовых звездолетов плутоновой руды в год.

Безупречные социотехнические операции снискали Рен-барху славу и авторитет одного из лучших усвоителей в дархианской истории, но не это делало его счастливым. Он любил чувствовать себя нужным своему народу.

Но единственно мощный мозг Доктринера был в состоянии оценить детальное изящество операций космодора и, поглядывая на него пристальными глазками, сделать единственный в своем роде лаконичный и безжалостно глубокий комментарий, от которого стынут пальцы ног и который заставляет слушателя почувствовать себя великим дархом. В памяти всплыли морщинки вокруг глаз Доктринера...

Сигнал с пульта управления вспугнул все воспоминания. Тахионный луч остановился на объекте поиска – одном из десяти местных кораблей, которые, согласно докладу станции 300, исследовали внешнее космическое пространство.

Гавон увеличил изображение, и корабль завис в центре экрана. Космодор рассматривал его с каким-то смешанным чувством. Примитивная конструкция корабля напоминала ему о ранней космической истории Дарха. Когда-то на почти таких же атомных ракетах, ползущих со скоростью одной восьмой света, первые Космодоры отправились в бесконечный вакуум. С отчаянной смелостью они вызывали космос на поединок. И вот уже более четырех столетий были победителями.

Гавон снова прикоснулся к регулятору, и луч проник вовнутрь корабля.

Перед пультом, загроможденным чудовищным количеством приборов, сидел человек. Движение нижней челюсти свидетельствовало о пережевывании безвкусной пищи. Земной человек держал в руке наполовину съеденное подобие дархианского бутерброда.

Гавон его внимательно рассматривал, и в нем крепло убеждение, что этот меланхолично жующий земной космодор отвечает всем требованиям.

Перенастройка гиперциклатора была делом нескольких минут. Гавон сконцентрировал зону его действия вокруг кресла в чужом корабле. От мощного разряда освещение слегка мигнуло. Землянин утонул в ярко-синем сиянии. Гавон повернулся к камере-приемнику, которая раскрылась одновременно с сигналом. В центре камеры стояло кресло с земным космодором, который, отчаянно кашляя, пытался проглотить кусок, застрявший в горле.

Рен-барх прошел к нему и осторожно похлопал его по спине. Землянин проглотил кусок, еще несколько раз покашлял и повернул покрасневшее лицо к Космодору:

– Вы... Кто вы такой?..

– А вы кто? – спросил Гавон. – Как вас зовут?

– Сайрас Джеральд, астронавт земной армии. Но кто вы?

– Астронавт, – повторил Рен-барх. – Астронавт... Звездоплаватель. Это ваше звание?

– Да. А вы с летающих тарелок?

Гавон усмехнулся. В сообщениях станции 300 особое место занимал анализ любопытного общественного феномена – веры в летающие тарелки. Космодор думал использовать это.

– Да, из тех самых. Зовут меня Гавон Рен-барх, Космодор первого ранга. Если не ошибаюсь, я должен обращаться к вам «мистер»?

– Нет, что вы! Называйте меня просто Сайрас или Сай, так даже короче и не затруднит вас...

Гавон повернулся к нему.

– Это меня не затруднит. Я владею вашим языком лучше вас самих. Но раз вам больше нравится, буду называть вас так. Вы же можете называть меня по-вашему – мистер Рен-барх. У вас есть научная степень, Сай?

– По всему видно, вы хорошо изучили Землю, мистер Рен-барх. Да, есть. Я магистр физики.

– А ваши политические убеждения?

– Пессимист.

– Разве это политические убеждения? Я воспринимаю это скорее как психономическую характеристику.

– Простите, мистер Рен-барх, но я вас не вполне понимаю.

– Естественно, Сай. Вряд ли вы имеете какое-либо представление о психономии... Но все-таки мне интересно, как вы понимаете свой пессимизм.

Не отвечая на вопрос, землянин неуверенными шагами вышел из камеры.

То, как он осматривал рубку, свидетельствовало бы об интересе, если бы с лица его хоть на минуту сошло выражение кислой досады. Создавалось такое впечатление, что этот первобытный гуманоид ужасно отягчен банальной необходимостью каждый день осматривать летающие тарелки, космические корабли и другие инопланетные средства транспорта, которые не дают спокойно съесть хотя бы один бутерброд. Но Гавону не надо было гадать. «Мотивационная психограмма», – мысленно приказал он, и возбужденный Психономатор начал отвечать с недоступной для человеческой речи скоростью: «Сильная нервозность из-за изменения жизненного уклада. Прикрывает свое изумление досадой. Воля расщеплена по периферии сознания. Эрудиция достаточно высокая, чтобы быть полезным для миссии. Уровень анализа – удовлетворительный. Скорость интеллектуальной реакции – незначительно превышает среднюю. Объект является подходящим для манипуляции»...

«Хватит!..» – остановил его Рен-барх.

Действительно, этих сведений было достаточно. Он даже почувствовал, как его напряженные чувства охотника обволакивает тень скуки, – до такой степени оказался стандартным психономический тип пленника.

Операция по освоению Земли обещала быть довольно-таки простой. Все прекрасно совпадало с данными станции 300 – технократическая культура с высокой степенью нервной возбудимости и обостренными социальными конфликтами. Индивиды, мечущиеся в сетях собственных неясных мотивов и страстей, не понявшие сути своих желаний, не знающие универсальных психономических формул, которые единственно могут дать им свободу силы.

– Так как же понимать ваш пессимизм, Сай? – с легкой иронией и успокаивающим тоном повторил свой вопрос Космодор.

– А? – пришел в себя гость.

– Садитесь, Сай! – улыбнулся Рен-барх. – Вы в состоянии разговаривать сейчас или хотите немного привыкнуть?

– Сейчас! Сейчас! – замахал возбужденно руками землянин.

Гавон синтезировал для него один из тех личных коктейлей, которые разрешал себе лишь в исключительных случаях (а ведь случай был именно таким, не правда ли?). Они начали длинный и разнообразный разговор о том, как прекрасно, когда высокоразвитые цивилизации посещают отсталых своих собратьев и помогают им подняться на более высокую ступень свой разум.

Вечером (по корабельному времени) Гавон наконец расслабился в пружинирующих волнах магнитной кровати. Сайрус, явно измотанный пережитым за день, спал под гипноизлучателем в соседней каюте. Гавону хотелось немного поразмышлять, но усталость сразу овладела им. А за ней пришел сон...

Мучительно медленно, словно в густой жиже, Гавон шел по дымящейся, скворчащей земле. Иногда опора под ногами исчезала, и, не переставая шагать, он падал неуловимо медленно, пока снова не ступал на ту же раскаленную потрескавшуюся почву. Он не чувствовал ни жары, ни холода. Свет струился откуда-то сзади. Рядом с тенью Гавона скользила вторая – тень Сайраса Джеральда.

– А вы как понимаете пессимизм, мистер Рен-барх? – спросила тень Сая.

– Для нас это понятие древности, Сай, – ледяным голосом промолвила тень Гавона, – среди дархов пессимистов нет.

– Разве это возможно, мистер Рен-барх?

– Конечно. Оснований для пессимизма нет. Дархи обеспечены всем, что только могут сделать. Наше производство может удовлетворить даже самые изощренные требования. Другие

планеты для нас – неисчерпаемый источник сырья. Двести шестнадцать цивилизаций торгуют с нами. Наше общество обеспечено и стабильно.

– Разве это возможно, мистер Рен-барх?

– Вполне. Мы ввели психономию как основное средство для регулирования общества. Каждый занимает место, определенное его личной психогаммой. Движение подсознания уже не тайна. Каждый осведомлен о движущих им инстинктах и о средствах, при помощи которых он может удовлетворять или обуздывать их. Все это идет на пользу нашей цивилизации. Дархи счастливы!

– Разве это возможно, мистер Рен-барх?

И в который раз почва под ногами Гавона исчезла. Он начал падать в сизый дым без запаха, долго летел между потрескавшимися старыми скалами и проснулся в своей магнитной кровати.

Уловив, что он открыл глаза, автоматы медленно зажгли свет. Гавон полежал несколько минут, забывая свой нелепый сон. Потом встал и пошел в каюту Сайраса.

После завтрака, который (это было очевидно) прямо-таки шокировал землянина своими вкусовыми качествами, оба устроились в салоне корабля. Психономатор постоянно следил за напряженной психикой Сайраса. Внимательно вслушиваясь в информационные телепатемы, Гавон заговорил:

– Сейчас слушайте меня внимательно, Сай. Будьте добры не прерывать меня... Вчера, в нашем разговоре, я избегал уточнения некоторых подробностей, но сейчас сделаю это. – Он медленно отпил свой коктейль. – Сай, вы понимаете, что я не прилетел сюда ради альтруизма. Я должен создать условия для торговли с вашим миром. Знаю, что в пределах Земли вы имеете огромную практику в торговле, следовательно, знаете, что, если стороны не равноценны, одна из них становится ведущей. В данном случае этой ведущей стороной буду я... К тому же не предлагаю выбора. Из трех вариантов – нейтралитет, война, торговые взаимоотношения – я устанавливаю третий... Нейтралитет невозможен, так как мы никогда не уходим оттуда, куда пришли. Война бессмысленна – мы лучше вооружены. Если все же предположить, что будут какие-либо военные действия, то от Земли мало что останется. В таком случае получается, что торговля – единственный вариант. Теперь можете задавать вопросы.

«Сайрус Джеральд находится в угнетенном состоянии, – сообщил Психономатор, – он поражен сказанным, пытается найти выход из ситуации, которая выглядит для него угасающей и безнадежной. Не сомневается в нашем могуществе».

– Мистер Рен-барх, я не сомневаюсь в вашем всемогуществе, – сказал Сайрас после краткого молчания, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

Гавон кивнул утвердительно.

– Мистер Рен-барх, я не понимаю, зачем вам устанавливать торговые взаимоотношения, если вы просто можете завладеть Землей.

– Это не гуманно, Сай, – возразил Гавон. – Да и не нужно. Вы уже завладели Землей, ваши фирмы, суперфирмы, наднациональные корпорации, они продадут нам Землю. Они поймут, что такой контракт для них не особенно выгоден, но военные действия тем более невыгодны, так как оплачиваются невозстановимым Капиталом, вы понимаете меня, Сай? Вообще-то на этот счет у вас есть хорошая пословица: из двух зол выбирают меньшее.

– Значит, вы все-таки нас поработываете, мистер Рен-барх?

– Да куда там, Сай? Вы же обрекли себя на рабство сами. А мы требуем лишь налога с ваших хозяев. И они его заплатят, потому что они рабы самих себя. Увы, психономическая свобода, которая делает нашу цивилизацию счастливой, оказалась недоступной для всех остальных частично цивилизованных обществ. И для вашего тоже, пока.

Сайрас долго молчал, рассматривая фужер из радужного кристалла, который держал в руках. Наконец спросил:

– А я? Чего вы хотите от меня?

– Совсем простую вещь. Быть посредником в переговорах... А пока познакомьте меня со всем, что знаете сами. Я хочу услышать полный рассказ о земной жизни. Расскажите обо всем, что вам было доступно. Я помогу вам рассказывать все это достаточно подробно и связно.

Сайрус Джеральд переживал. Кусал губы, тер потные ладони, мял виски – вообще с ним происходили все те физиологические процессы, которые показывали, как трудно назвать собственным именем лицемерие, даже внутренне давно признанное.

Гавон наблюдал за ним прищуренными глазами, он был спокоен и настроен покровительственно. С землянином все было ясно. Необходимо только дать ему немного времени все обдумать и принять единственно возможное решение. Но Сай сказал что-то совершенно неожиданное:

– Разве это возможно, мистер Рен-барх?

Космодор только случайно удержался от вскрика. Изумление от странного совпадения со сном столкнулось с непонятным страхом и слилось с ним. Лицо Гавона осталось как и прежде каменным, может быть, только глаза на минуту стали словно стеклянными, но его собеседник ничего не заметил. Он ожидал ответа, и во взгляде его не было ничего кроме ожидания. Все это промелькнуло почти мгновенно. Остались только неясная тревога и мысль, что необходим серьезный разговор с Психономатором. Больше Рен-барх не вспоминал о сне.

Сай, видимо успокоившись и примирившись, начал рассказывать о жизни на Земле. Гавон слушал его, не стараясь запомнить что-либо, – для этого был Психономатор. Его объективы ощупывали каждое движение, мимику Сая. Все это переводилось в единицы знаковой информации, и он копил их в своей холодной памяти, добавляя штрихи к образу подсознательной жизни астронавта Сайраса Джеральда. Потом, когда Гавон уже в роли дипломата будет искать точнейшую реакцию, гибчайшую многозначительность, телепатические советы Психономатора отшлифуют его поведение до единственно возможного для этой цели совершенства, до правдивейшей для землян мимики...

Со стороны они выглядели как двое друзей, которые за рюмкой доверяют друг другу маленькие тайны своего жития. Когда Сайрас говорил об интимных подробностях, Космодор предрасполагаяще и в то же время многозначительно улыбался, поднимал фужер к самим глазам и рассеянно скользил взглядом по серебристой поверхности коктейля – знал, что в такие моменты лицо его становится неповторимым: мужественным и красивым. Во всяком случае, так утверждали его любовницы.

Его воспоминания заскользили по формам красивых женских тел, которыми он обладал. Но, может быть, скольжение было чересчур быстрым, тела вдруг слились во что-то аморфное, обрюзгшее и неопределенное, что заставило его потрясти головой и вновь вернуться к рассказу землянина.

Этот разговор продолжался весь день, не прекратился он даже во время ужина. И только оказавшись в каюте, Гавон понял, что все время в нем дремало какое-то беспокойство. Здесь, в одиночестве беспокойство перешло в обыкновенный страх, вызванный сновидением. Наличие этого страха было чем-то неправильным, неестественным, оно пугало больше самого сна, так как это означало, что универсальные психономические формулы перестали быть универсальными. Действительно, там еще предвиделась и непредсказуемость третьего подсознательного пласта, но...

«Психономатор, – почти вскрикнул Космодор, – что со мной происходит?!»

«Не особенно сильное катативное смущение третьего пласта подсознания...»

«Хватит! Профилактика?»

«Катативная реакция зоны третьего пласта имеет высокую степень непредсказуемости...»

«Хватит! Можешь следить за мной ночью и прервать сон сразу же, как только он начнется?»

«Да».

В бесплотном голосе Психонатора прозвучало угодничество. И впервые в жизни Гавон испытал к нему что-то похожее на отвращение. Космодору почему-то показалось, что сна не было.

Гавон начал думать, стоит ли включить усыпляющие приборы, но незаметно уснул. Его окружила спасательная темнота без времени и места, но она оказалась непостоянной. Чья-то рука подняла этот темный мешок и высыпала Космодора на ту же самую равнину в трещинах, стянутую в обруч горизонтом. И снова рядом с ним шагал Сай, и перед ними скользили две тени, очерченные странным светом, падающим сзади.

«Значит, ты утверждаешь, что счастлив?» – спрашивала тень Сая.

«Как счастливы все, живущие по законам универсальной психонии», – покровительственно ответила тень Гавона.

«А все живут по этим законам?»

«Все».

«И всю жизнь?»

«Да», – ответил Гавон и замедлил шаг.

Какая-то щель, извиваясь как пресмыкающееся, поволокла к ним свое тяжелое пустое тело. Другой конец ее вздыбился над их головами и опустился за ними. Под ее чудовищным, окутанным красноватой мглой сводом, прогремел вопрос другой тени:

«Почему молодые не всегда подчиняются Универсальным Психоническим Формулам, мистер Рен-барх?»

Гавон удивился этому вопросу, потому что Сай не мог задать его. Шагая под бесконечным дымящимся сводом, он ответил:

«Для этого необходимо созреть, Сай. Универсальные Психонические Формулы изучаются в школе, но необходимо время, пока личность сумеет обуздать инстинкты. Добавим и физическое соревнование, которое заставляет молодых бунтовать в поиске выхода своей биологической энергии».

Что-то перегородило дорогу. Стена. Гавон присел на неровный каменный выступ. Опершись на стену, Сай смотрел на него светящимся взглядом своих черных глазниц. За его спиной образовалась трещина, и сквозь нее были видны звезды. Трещина, корчась, как губы паралитика, произнесла голосом Сая:

«Но среди зрелых, уравновешенных личностей также встречаются неудовлетворенные, мистер Рен-барх».

«Это неправда, Сай. Ты не можешь знать этого».

«Мистер Рен-барх, – произнесла трещина, – почему так часто взрослые, зрелые личности, не знавшие серьезных проблем в жизни, кончают самоубийством?»

«Во всякой цивилизации есть свои психически больные, Сай».

«Но почему их так много, мистер Рен-барх?»

Гавон проснулся, что-то взорвало его сон изнутри. Когда куски сознания, разбросанные взрывом, улеглись по своим местам, Космодор с удивлением подумал, что Психонатор никогда не будил его столь сильным импульсом.

«Психонатор, – мысленно позвал он. – Почему дал развиваться сну? Команда была точная».

«Физиологическая реакция, – ответил Психономатор. – Сон был сконцентрирован в кратком временном интервале в ограниченной зоне мозга. Первый импульс оказался слабым, второй...»

«Хватит, – мрачно прервал его Гавон, – от второго еще болит голова. Сделай что-нибудь».

Из стены вылезло блестящее щупальце. Кончик пневмошприца коснулся его виска. Гавон почувствовал легкую боль, приятное головокружение и снова уснул, на этот раз без сновидений. До утра по корабельному времени оставалось несколько часов.

После утренних процедур в биокамере к Гавону почти полностью вернулось бодрое и реалистическое восприятие жизни. Почти, так как внутри все же затаился мутный приглушенный ужас иррациональной бури сна...

Как настоящий воспитанник психономичной культуры, Гавон хорошо знал фантазию – грязный источник душевных смут и волнений, место, где все возможно, где простая истина мечется в пылу сомнений, и ничего окончательного и определенного не существует. Она была врагом его душевных сил, его гибкого, как хищный зверь, ума, его неистребимого желания победы. Что же это за ассоциативный взрыв, какие пласты подсознания перемешались, как получилось, что этот смешной и наивный Сай стал символом самого подсознания, заговорил языком какого-то «анти-я»?

Рен-барх не мог ответить себе на все эти вопросы, но и не хотел почему-то обсуждать их с Психономатором. Кроме того, логика дневного сознания выдвинула дневные мысли и задачи, которые не оставляли места стыду ночных видений.

О, великий Дарх, уже через пару дней надо начинать усвоение, а какие глупости лезут в голову...

– Итак, ваш мир мне ясен, Сай.

Гавон замолчал и уставился на землянина. Глаза Сайруса, в которых сначала светился интерес, постепенно наполнились страхом. Астронавт начал понимать, что означают эти слова. И Гавон дал ему необходимое для этого время.

– Слушаю вас, мистер Рен-барх... – хрипло прошептал Сай.

Гавон начал с обобщения. Земля, пояснил он, с точки зрения представителя высшей цивилизации, это огромное поле незримой войны. Настоящие войны остались в прошлом, чтобы уступить место этой возне непрерывного взаимного выталкивания нескольких сверхкорпораций. Между ними существуют неисчислимо и неизмеримо сложные для понимания обычного человека связи. Отношения между ними напоминают дархианскую игру, в которой двое из противников заключают союз против третьего, что, однако, не улучшает их взаимоотношений. Каждый в совершенстве овладел своим оружием – производством, торговлей, техническим прогрессом. У каждого есть свой аппарат для того, чтобы удержать положение, своя полиция, своя армия...

Несчастные жители Земли находятся в центре разнонаправленных интересов, пояснил Рен-барх, и что получается из этого, ты сам знаешь. Всех ваших социальных срывов, крамольных идей могло бы и не быть, если б у вас существовало настоящее централизованное управление, и вы могли бы заняться решением психологических проблем индивида. Наша психономия давно пришла к заключению, что индивиды составляют общество: это для тебя, может быть, звучит банально, но мы можем сделать важный вывод, что сначала надо заняться индивидом, организовать такое существование, которое удовлетворяло бы его. Если же нет возможности полностью удовлетворить эти потребности, то сделать противоположное – воспитать такие потребности, которые бы находились в доступных границах удовлетворимости. А этого можно достичь только с помощью наших психономических формул.

Мы с вами, Сай, мы оба выберем одну из земных суперфирм и поможем ей победить другие! Благосостояние человечества резко повысится, фирма автоматически превратится в пра-

вительство, которому все народы будут благодарны, которому будет доверено введение новой психономической педагогики. Да, Сай, я убедился, что земное человечество достаточно близко дархианскому и может воспринять психономию. Со своей стороны, правительство никогда не забудет, кому оно обязано, благодаря чьим психономическим консультациям достигнуто счастливое равновесие. Нашему Дарху остается лишь отправить несколько грузовых звездолетов, которые периодически будут выплывать из нулевого пространства, приземляться около секретных складов и взлетать оттуда с тяжелым грузом. Улавливаешь... помощник Космодора Сайрас Джеральд?

Рен-барх закончил свое вдохновенное выступление со сдержанной ораторской артистичностью, которая не раз показывала свое несомненное воздействие при разных дипломатических миссиях. Тем более что Психономатор во время всего монолога удачно нашептывал ему наиболее подходящие слова, а то и точнейший текст... А Сай – помощник Космодора Сайрас Джеральд – был готов. Его страх, вечный страх интеллигента, порожденный постоянными сомнениями в нравственной правоте своих действий, исчез. Напротив Гавона сидел соратник, единомышленник, который, не задумываясь, отдал бы жизнь за грандиозную цель.

«Готов! Готов!» – мурлыкал Психономатор, хотя и сам Рен-барх прекрасно видел это. Именно так надо создавать настоящего местного манипулятора, когда он находится на высшей стадии мобилизации радостного соучастия, когда все его существо торжественными ритуальными танцами выходит на поле боя, и когда ни один нейрон не тянет по-дезертирски назад.

«Прекрасная работа, Гавон Рен-барх», – улыбается Доктринер, и его по-мужски сдержанная улыбка приводит в движение тонкую сеть морщин вокруг глаз...

Гавон усадил своего новоиспеченного помощника в кресло и начал объяснять ему, как манипулировать пультом гипнотаблиц. Сай безошибочно повторил все действия, гипно-излучатель тихо загудел, а на экране начали мелькать таблицы программы «Теории информации и социального манипулирования». Знания, которые гипногенератор вводил в мозг, многократно превосходили все университетские курсы Земли. Психономатор регистрировал почти стопроцентное усваивание информации. На глазах у Гавона создавался умный, гибкий, хитрый дипломат, ученый и боец. Параллельно с теорией мозг Сая усваивал и новую систему ценностей, где в качестве объекта преклонения и восторга Гавону Рен-барху отводилось второе место после Доктринера.

– Приятной работы, Сай! – пробурчал Гавон, хотя землянин не мог его слышать, и ушел в командный отсек.

Последний переход прошел прекрасно. Корабль вышел из нулевого пространства недалеко от патрульной ракеты Сая. Гавон с улыбкой посмотрел в последний раз на брошенную ракету, включил двигатели и задал Компьютеру программу полета. Земля была уже видна и без увеличения – голубая точка в центре экрана.

Вечером он выключил гипногенератор – не хотел перенапрягать мозг своего помощника, да и в этом не было необходимости. Сай уже знал почти все необходимое, а завтрашний курс окончательно затвердит принятую информацию. Они поужинали – спокойно, почти не разговаривая. Уставший Сай отправился к себе в каюту, пожелав, как требует этого земной обычай, Гавону спокойной ночи. Космодор кивнул ему в ответ и подумал, что ночь, без сомнения, будет спокойной – половина миссии исполнена, мысли спокойны, снов не будет. Мелькнула какая-то тень, но она быстро исчезла – нет, никаких снов не будет! Он даже не будет приказывать Психономатору следить за его сном: это недостойно, это значит, что он все еще испытывает страх, притом без оснований...

Гавон Рен-барх вошел в свою каюту. И сон встретил его на пороге. Его тело автоматически совершало действия отхода ко сну, а мысли уже окунулись в знакомую темноту. Над ним была та растрескавшаяся, пульсирующая земля, а он падал с нее в пропасть неба. Ноги его

ступали по чему-то невидимому, твердому, холодному, как камень, но падение продолжалось. Земля поднялась над ним, как волна прибоя, и понеслась куда-то. Гавон остался один между звездами. Потом сквозь звезды начали вырисовываться стены пещеры. Удобно устроившись между двумя сталагмитами, за ним следил Сайрас Джеральд. Свет, исходящий из его черных глазниц, падал на лицо Космодора, который уже знал, каким будет первый вопрос:

«Почему ваша цивилизация порождает так много психических больных, мистер Рен-барх?»

«Что означает “много”, Сай?»

«Почти у двадцати процентов населения Дарха зарегистрированы резкие отклонения от нормы, мистер Рен-Барх. Это составляет более трех миллиардов человек. Больше, чем все население Дарха триста лет тому назад. Три миллиарда – это среднее население средне-цивилизованной планеты».

«Ты не можешь знать этого, Сай!»

«Но ты можешь, Гавон, и ты знаешь это».

Рен-барх почувствовал, что где-то там, в реальности, его тело уже покоится в кровати, но здесь, во сне, его лицо запылало от прилива ярости:

«Да! Знаю! Знаю, что психономия кастрирует дух! Но что делать с этим духом, если он всегда требует нереальных, абсолютных категорий? Непрестанно ищет вину среди тех, кто правит обществом! Что делать, если сама организация общества делает невозможной свободу духа? Свободу верить в мифы добродетелей и нравственности!»

Голос его стал плотным, почти материальным, словно свинцовые капли, направленные на Сая, но проходящие сквозь него, и только гранитная стена вздрагивала от сверхмощных ударов.

«Что нужно этому духу, Сай? Дружба?! Любовь?! Новые горизонты?! Все это мерзкие иллюзии, Сай! Они могут только испортить наслаждение реальными радостями жизни».

Последние залпы пролетели сквозь загадочно-неподвижного Сая и совсем разрушили стену за ним. Она бесшумно распалась, и открылась комната. Та самая Комната...

Рен-барх вдруг перестал быть непреклонным Космодором и ощутил в себе молодого двадцатилетнего Гавона – лидера школьных походов, самого интеллигентного и непокорного воспитанника 517-й Гипнодидактической школы. Гавон узнал комнату, понял, какие события разыграются снова на его глазах, и ему захотелось умереть (где-то очень далеко, в реальности, его тело конвульсивно металось в бесплодных попытках выкарабкаться из сна). Широко открытые, застывшие глаза узнавали эту комнату с кроватью и столом, этого пьяного парня в кровати и красивую обнаженную девушку. Воспоминание о любви к ней превратилось в самую любовь и в невыносимое страдание от цинизма происходящего. Это была женщина, которую он позволил себе любить больше самого себя, а пьяный, с которым она через минуту ляжет, – его лучший, единственный друг, последняя возможность веры в дружбу. И сейчас она снова посмотрит на него, Гавона, ледяным презрительным взглядом, как тогда, и отдаст свое тело в руки его друга. И все это произойдет перед ним. Как тогда. И они не остановятся даже тогда, когда Гавон, подталкиваемый последними остатками юношеского достоинства, включит свет...

Где-то глубоко, в сознании, все же оставалась часть Космодора Рен-барха, потому что на миг мелькнуло презрение к могуществу сна, напрасно тратящего силы на давно пережитое. Но то, что произошло потом, отнюдь не было повторением. Спинка кровати начала вытягиваться и утолщаться, приняла очертания дарха... не просто дарха, а Доктринера – он был значительно моложе, таким, как в первые годы их знакомства. Великий Доктринер наклонился над сплетенными телами и рассматривал их внимательно и заинтересованно, словно перед ним были инфузории, поведение которых разрешит важную биологическую проблему. Когда в кровати все было кончено, он взглядом подозвал ее. Девушка подняла голову, в ее глазах засветилось нетерпеливое радостное ожидание, то ожидание, с которым все личные сотрудники Доктри-

нера, в том числе и Гавон, спешили получить следующую задачу от любимого шефа. И невероятная догадка пронеслась в мозгу, разрушила преграды между сознанием и подсознанием, между молодым Гавоном и зрелым Рен-Бархом, между спящим и бодрствующим, между сном и действительностью.

Происходило то, что происходило не раз перед ним, что он сам много раз совершал при наборе и воспитании новых Космодоров и социотехников. То, что Доктринер шутя называл «облегчением совести от заблуждений», а социотехника ясно сформулировала как «разрушение утопических ценностей». Гавон понял, что должен крикнуть и даже сделал это, но изо рта его выплеснулось пламя, подожгло кровать, ее, его друга, Доктринера. Остался лишь дым, он принял очертания Сая и сказал... да, дым сказал:

– Пора просыпаться, Гавон.

Это был живой и реальный Сай. Он наклонился над Гавоном и смотрел на него спокойно и приглашающе. Но Космодор не хотел вставать. Факт, что он проснулся и сон кончился, на этот раз не принес облегчения. Сон был где-то рядом, незримо намекал и в реальности о своей страшной власти, сила его заключалась в выводах, оставленных после себя. Гавон испытывал огромное, всепоглощающее чувство страха.

«Психономатор!»

В ответ лишь тишина.

«Психономатор!»

– Психономатор не поможет тебе, Гавон, – спокойно сказал Сай и сел на кровать.

Рен-барх окинул его диким взглядом и быстро вскочил. Потребовалось огромное усилие, нет, даже насилие над собой, чтобы вернуть себе хотя бы на мгновение способность анализировать. Этого было достаточно, чтобы увидеть, как изменился Сай. Точно отмеренные движения, сменившие суetyающуюся взвинченность вчерашнего и позавчерашнего Сая? Что могло означать это непроницаемое лицо, этот взгляд, похожий на тот, светящийся темнотой, взгляд Сая из сна?

– Что это значит? – тихо, едва владея голосом, спросил Гавон. – Кто вы, Сай?

– Человек с Земли, Гавон.

Космодор вскочил с кровати, приблизился к Саю, долго смотрел на него, потом вдруг замахнулся. Целился в челюсть, но рука его ударилась во что-то невидимое. Рен-барх вскрикнул от боли, а может быть и от страха. Он сделал еще одну попытку взять себя в руки. Не смог.

– Вы не с Земли, Сай! – вскрикнул он. – Я знаю, кто вы! Вы агент высшей цивилизации! Еще сто лет назад теоретически было предсказано ваше существование. Сто лет мы боялись, что встретим вас. Потом успокоились, вот в чем наша глупость! А вы ждали, пока мы успокоимся, ведь так! Вы следили за нами...

– Нет, Гавон. Мы за вами не следили. Вы сами сообщили о себе, посылая станцию 300.

Гавон в шоке опустился на кровать.

– Но в станции не было никакой информации о нас...

– Конечно, вы позаботились о том, чтобы не было информации. Но информация существует на многих уровнях. Даже воздух, которым ты дышал, может рассказать о тебе. Почему ты не стал поэтом, Гавон?

Космодор чуть не поперхнулся от этого неожиданного и нелепого вопроса. Пока он соображал, какой смысл несет в себе сказанное и как ответить, Сай произнес:

Да, опоздали все желания,
Ее приход в горящий сеновал
Безмолвного и тихого познания...

– Ты помнишь это стихотворение, Гавон? – спросил он. – Ты посвятил его девушке, о которой я тебе напомнил посредством сна. Но дархианская цивилизация не нуждается в поэтах, ведь поэты не подчиняются психономическим формулам... И тебе не позволили стать поэтом, Гавон. Ты был слишком ценен. Ты считаешь, что сам выбрал путь Космодора? Нет, Гавон, его выбрали для тебя. Да, ты дарх редких психических и интеллектуальных качеств. Отвечаешь дархианским нормам гениальности. Не удивляюсь, что сам великий Доктринер занялся твоим формированием. Ты понял из своего сна, что измена твоей любимой – одна из существеннейших манипуляций тобой. Одновременно с тобой был подвергнут обработке и твой друг, который сейчас служит в репрессорных отрядах. Он был промежуточным продуктом без особой ценности. Но ты, Гавон Рен-барх, стал одним из наиболее ценных кадров дархианской армии. У тебя есть качества. А качества служат ценностной системе – предполагаю, что тебе известно это универсальное понятие, которое объединяет мораль, нравственность, нормы поведения. Тебе, Рен-барх, пересадили новую ценностную систему – операция, которая тебе хорошо известна и которую ты неоднократно проводил с другими.

– Значит, и Литена, – губы космодора с трудом произнесли забытое имя друга, – Литена тоже подвергли манипуляции? Какими же были разрушающие мотивы для него?

– Тоже довольно-таки стандартными, Гавон, – соучастие в подлости. Она сделала его своим сотрудником, открыла ему часть правды о себе с условием, что будет принадлежать ему, если он поможет обработать тебя. Старо и скучно, Гавон... И за этим всегда стоял твой дорогой Доктринер, который считает твоё приобщение произведением искусства и который сам создан подобным образом. Потому что такова сущность вашей психономии, Гавон, – она возносит в культ свою беспомощность; она неспособна понять, что личности необходимо непрерывно меняться, становиться совершеннее, богаче духом, психономия ставит чудовищную цель поддерживать дух статичным, хирургически удаляя каждый росток творческого волнения и поиска. И достигает успехов – появляются такие, как ты, Гавон Рен-барх...

Космодор (хотя каким Космодором был уже он?) слушал, и тело его наполнялось усталостью. Его знаменитая жизненная энергия и жажда победы исчезли бесследно, и единственным его желанием было закончить наконец этот разговор и умереть спокойно.

– Да, хотел еще спросить... – Мысль тонула в этой страшной усталости. – Сай... Эта информация о вашем социальном устройстве и суперкорпорациях... выдумка?

– Конечно, Гавон. Нам не надо было заглядывать далеко в нашу историю, чтобы заимствовать эту социальную структуру. Так выглядела значимая часть нашего мира несколько столетий тому назад, так выглядел и один средний Сайрас Джеральд в этом мире.

Гавон медленно встал. Направился к двери слепой, неуверенной походкой. Остановился. Дверь открылась перед ним, но он не переступил порога, – забыл, куда направлялся.

– Космодор, не спеши! – сказал землянин, и Гавон, обожженный неожиданным теплом его голоса, повернулся. – У тебя есть время все оценить. Подумай о себе, Гавон Рен-барх, и сделай выбор. Ты можешь вернуться на Дарх – это тоже решение, несмотря на то что там скоро будет очень трудно жить по-старому. Можешь попасть на Землю и развить происходящее в тебе. Это будет очень мучительно, но это тоже решение...

Не отдавая себе отчета, Гавон попытался улыбнуться. И что-то произошло. В этом движении мышц лица разрядилось все напряжение, наполнявшее его тело. Туман перед глазами рассеялся, все звуки стали понятны.

– Гавон, – сказал землянин, – Земля нашла иной путь. Без психономии. Над этим тоже подумай, Космодор.

Последняя фраза повисла в воздухе каюты. Землянин исчез.

Гавон пошел в командный отсек... в этом как будто был какой-то смысл... хотя вряд ли... Другой путь развития. Без психономии?

Дверь отсека открылась. Напротив сиял экран, а в центре его – огромная Земля.

«А она красивая...» – совершенно невпопад подумал Гавон Рен-барх. Такая оценка Земли странным образом заставила прислушаться к себе. Где-то в огромном и, может быть, плотно закрытом лабиринте мозга шевельнулась мысль. Она, как маленький зверек, не знающий, есть ли из лабиринта выход, стремительно несется по коридорам между холодными слезящимися стенами, такими неровными, что каждая щель угрожает поглотить ее... О, великий Дарх, действительно ли я написал это стихотворение...

Третье пришествие

Больше всего на свете я люблю эти фантастические посиделки в субботу после обеда. Мама уже убрала со стола остатки обильной трапезы, наполнила рюмки домашней сливовой ракией, и на веранде остались только мужчины – папа, дедушка, дядя Груйо и сегодня, в качестве приятного сюрприза, дядя Койчо, который в прошлом году сошел с корабля, объездив полмира, как сказал дедушка. Никто не гнал меня в другую комнату – и вот я, такой пупсик, завтра уже мужчина, как говорит папа, должен учиться мужскому разговору.

Конечно, мне очень хотелось бы стать мужчиной прямо сегодня, но если это невозможно, то я согласен и завтра. Важно уже то, что меня принимают как своего и позволяют сидеть за столом со взрослыми на своем месте.

Разговор, как всегда, начинается с разных глупостей – о женщинах или о том, как сделать деньги, папа говорит, что это очень важно, но мне это не интересно, и я их не слушаю. Какая разница, у которой из них больше балконы, а у какой – задний двор? Я у них жить не собираюсь! И о деньгах тоже – кого-то там «кинули на деньги», кого-то «подставили по-крупному» – ничего не понимаю.

Вот как заговорят о политике зарубежных стран, этого-то я и жду! Америка, Россия, Африка, там всегда происходят интересные события...

Сегодня все началось с того, что мама повесила на антресолях телевизор. По краям медийного полотна она вышила красивую рамку с целующимися голубями – о, это не описать словами! Как только на этом метровом коврикe начали выстраиваться образы и звуки со всего мира, все остальные разговоры тут же прекратились.

«Уже три недели с переменным успехом ведут боевые действия вдоль реки Замбези прогрессивные европейские силы. Большого успеха добились части тринадцатого Трансильванского корпуса под названием “Вампиры”, но с тех пор, как замбийские диктаторы попросили помощи у наемников Гаитянской Зомбармии, обстановка усложнилась. Возникли серьезные проблемы с питанием трансильванских командос, что вполне естественно, учитывая метаболизм наших “красных касок”. Миротворческий ход объединенных европейских сил был также затруднен в результате вмешательства отдельных групп местного террористического движения “Патриотический фронт черных магов”».

На экране промелькнули демонстранты с плакатами: «Европийцы, вон из Африки!»

– Вот чем эти зомби помешали трансильванцам, а, Койчо? Смотри, с какой армией они справились два года назад. – Папа всегда спрашивает дядю Койчо, потому что тот ученый и все знает.

– Зомби, Паро, – это нечто особенное. Их нельзя убить, кусать – тоже смысла нет, какую там кровь пить вампирам, если у этих нет ни одной капли. Я был знаком с одним чехом-стоматологом, он работает исключительно с вампирами, специалист по передним клыкам, так вот, он говорит, что они очень заботятся о своих зубах, не дай бог кариес, а работать с вампирами, говорит, настоящее удовольствие. Воспитанные люди! – поучительно добавил дядя Койчо, ловко поддев вилкой соленый огурец.

– Извращенцы! – вдруг ни с того ни с сего восклицает дядя Груйо. Он как с утра выпьет рюмок пять ракии, так ему везде «голубые» мерещатся.

– Тихо ты, Груйо, – укротил его папа. – Дай послушать умного человека, а то еще неизвестно, когда опять Койчо придет к нам в гости...

Дядя, отчаянно махнув рукой, потянулся за очередной рюмкой.

– Так ты говоришь, Койчо, все вампиры воспитанные очень, да? А мы здесь, к едрене фене, что знаем мы о воспитании? Вот у них, например, и манеры, и этика, одна утонченность

чего стоит, настоящие джентльмены! – Папа грустно вздохнул и продолжил: – Европа – это Европа, культура есть культура, что я еще могу сказать?

– Эй, Койчо, – раздался дрожащий дедушкин голос, – а что ты скажешь про русских? Вечно у них какие-то проблемы, Койчо, ну что за народ?

– Дикие и непонятные эти люди, россияне, дед, – поморщился дядя. – Марсиане пришли к ним, как к братьям, заключили с их правительством договор – все по закону! Предоставили им свои технологии и неограниченное количество зеленой водки. Взамен они хотели всего-то ничего – по одной пинте крови в месяц с человека. Но то ли им водка не понравилась, то ли еще что-то... Восстания на каждом шагу! Партизанские отряды! А теперь еще эти, которые захватили склад с водородными бомбами на Урале. Все не могут успокоиться. Третье пришествие у них наступило! Все не слава богу...

– Ну, может, они не хотят пускать на свою родную землю столько иноземных рож... – робко попытался возразить папа.

Дядя Койчо пришел в ярость и даже разлил свою рюмку в тарелку с солеными огурцами.

– Не пускают они! Вон американцы как пускают? Как только появились первые летающие тарелки веганцев, тут же блокировали им всю электронику, так что? Беседы, переговоры, как разумные существа. В результате подписали торговое соглашение и все довольны. Веганцы...

– Вот уж эти точно извращенцы! – громко всхлипнул дядя Груйю.

– Почему же, Груйю? Питаются они исключительно менструальной энергией, – шутливо подбросил дедушка.

– Ментальной, дед, веганцы питаются энергией мысли, и чтоб ты знал на будущее, извращение, прежде всего, явление духовное, – компетентно заметил Груйю.

Все замолчали, потому что эти комментарии дяди по поводу «голубых» они слышали и раньше. Дядя Койчо, немного успокоившись, продолжал:

– Так вот я и говорю, американцы сразу поняли, что им выгодно, а что – нет. Бизнес у них теперь процветает, целыми днями смотрят телевизор, попкорн жуют, а все, что рождается в их мозгах, – готовое сырье для продажи – пожирают веганцы и платят за это дорого-предорого...

– Дядя Койчо, а правда, что от постоянного просмотра их замечательного телевидения мозги у них разжижаются, и они выдают самые вкусные мысли? – спросил я.

– По крайней мере, так говорят веганцы. Кроме того, кого волнует, что у них там происходит? Главное, что им деньги платят.

– А мы ведь, Койчо, тоже смотрим американские передачи, но почему-то веганцы не хотят покупать наши мысли? – возмутился дедушка.

– Ну, во-первых, дело не только в просмотре, дед, это ведь и думать надо на американском, а пока их тебе переведут, болгарин десять раз подумает, что его разводят, и хорошие мысли уже стухнут к тому времени. А кому охота протухшие мысли потреблять, дед?

– Так-то оно так, но нет ли и для нас каких-нибудь мелких нашествеников, с Меркурия, например, или с Нептуна?

Стол затрясся от дружного смеха. Ну все, если они уже начали ухмыляться, значит, опять начнут свои непонятные разговоры. А пойду-ка я лучше на улицу играть в марсианцев и веганцев.

Весь город предоставлен мне для игр с тех пор, как объявили, что путь в Европу открыт, и все уехали туда. Помню утро, когда мы проснулись и, увидев, что мы одни, папа гордо выпрямился и выкрикнул: «Не будь я Аспарухом⁸, если уйду с этой земли, пусть я даже буду последним на ней!» И посмотрел на меня.

Я знаю, о чем он мечтает, но я намерен выучиться и покинуть эту страну. Вдруг я стану великим человеком. Русским марсианцем, например, а может, американским веганцем.

⁸ Переход хана Аспаруха через Дунай считается началом становления Болгарии как государства.

Перевела Ольга Попова

Мартин Петков. Помидоры – голубые, телята – с крыльями

– Помидоры будут голубые. Все! – Главный секретарь Маршал решительно ударил кулаком по столу и обвел взглядом присутствующих.

– Это шантаж! – вскочил Стантски. – Я – против!

Главный секретарь злобно усмехнулся.

– Я не ставлю вопрос на обсуждение, я лишь уведомляю вас. – Он посмотрел на часы и кивнул как бы сам себе. – Через четверть часа Президент сделает выступление.

– Выступление? Какого черта ему приспичило делать выступление как раз сейчас? Мало ему прежних, что ли?

Биолог Стантски, консультант федерального правительства, места себе не находил от возмущения.

– Нужно расставить приоритеты, – холодно ответил Главный секретарь. – Вам хорошо известно, что мы вступаем в заключительный этап гармонизации. В ближайшее время ждем приглашение на Съезд Объединенных цивилизаций, где наконец станем частью большой космической семьи.

– Приоритеты! – горько рассмеялся биолог. – Хватит разводить демагогию, прибереги ее для газетчиков.

– Не пойму, чего вы брыкаетесь? – раздраженно воскликнул Маршал. – Эка важность – помидоры! Мы сделали эволюционный выбор, решив присоединиться к Объединенным цивилизациям.

Научные консультанты уныло посмотрели друг на друга. Дэн Сяо тихо проговорил:

– Сначала рис стал зеленым, потом лук потерял горечь, мы начали выращивать бананы длиной не больше шести сантиметров, узаконили бессолевую соль и обесслаженный сахар, огурцы уже не прямые, а калачиком, а теперь еще и помидоры станут голубыми. И каков будет вкус у этих помидоров?

Главный секретарь надменно смерил его взглядом. Сколько раз он говорил Президенту, что эти консультанты будут только мешать. На кой надо было включать их в рабочие группы? Биологи роптали на каждую перемену. Экологи протестовали против климатических коррекций. А юристы... о юристах даже не хотелось думать, они все время тормозили переговоры и без устали повторяли: это невозможно, то невозможно, это в нарушение закона, то в нарушение Конституции... Чушь, все возможно, было бы желание.

Маршал ударил кулаком по столу и заорал на Дэн Сяо:

– Перестаньте артачиться как ослы! Каким должен быть вкус у гребаных помидоров, согласно стандартам Объединенных цивилизаций, таким и будет! Не забывайте, что они предоставят нам необходимые модификаторы для корригирования их цветовых и вкусовых характеристик.

– Да, – кисло вставил Стантски. – За это мы заплатим тоннами океанской воды и тысячами кубиков арктического льда.

– Общее благо требует, – важно изрек Маршал.

Главный секретарь был молодым мужчиной лет двадцати пяти. Сложная административная машина, следуя своим специфическим закономерностям, вытолкала его непосредственно на этот пост, игнорируя недостаток опыта и профессиональных качеств. Эти мелкие недостатки он возмещал огромным желанием для показных действий и хороших отношений с Президентом Торбачевым, чьим протеже являлся.

Кстати, это самое стремление к общему благу с некоторого времени появилось у многих государственных чиновников и привело к ряду конфузных ситуаций. Например, из-за неточностей перевода с языка альфы Центавра, в течение нескольких месяцев телятам прививали крылья, вместо жабр. Жабры были необходимы, так как согласно Меморандуму о всеобщей адаптивности живых организмов, раздел II, подраздел 33-А, принятому Девяносто вторым Съездом Объединенных цивилизаций, все животные типа «домашних» должны были обладать способностью существовать как на суше, так и под водой. Тот же Меморандум, но в разделе IV, подразделе 2-Б, предусматривал, чтобы дельфины и киты вышли из воды и начали жить на суше, что, со своей стороны, лежало в основе и Меморандума о создании равных возможностей для развития всех живых организмов. Дельфины, однако, категорически отказывались сделать такой революционный шаг, пренебрегали распоряжениями Меморандума и были полны решимости остаться в море. За небольшими исключениями, с китами дело обстояло не лучше. Поэтому, после изнурительных переговоров, Объединенные цивилизации пошли на компромисс, давая Земле дополнительный срок для выполнения обязательств по Меморандуму. Но более или менее успешные результаты и эффекты «общего блага» сыпались со страшной силой – долгое время летающие телята вносили беспорядок в воздушное движение, повисали в ветвях деревьев, садились на небоскребы и вообще доставляли массу хлопот пожарным командам.

– Общее благо... – ворчал Стантски. – Вам это общее благо поперек горла станет. Эти с Южного Креста – из антиматерии, в Орионе – червяки на силиконовой основе, а мы гармонизируемся с ними. Это же безумие!

В этот момент прозвучал предупредительный сигнал, и телевизоры в зале включились автоматически. На экранах возник величавый лик Президента Торбачева. В зале стало тихо. Задумчиво прищурился глаза, Президент взирал на камеру.

– Земляне! – сказал он. – Близится счастливый день. День, которого все ждут, уже не только мечта. Наши служители прилагают невероятные усилия для того, чтобы ускорить процесс гармонизации, который поможет нам приобщиться к своим внеземным братьям по разуму. Мы встретились с ними всего двенадцать лет назад, и вот завтра...

Голос Президента сорвался от волнения.

– Завтра мы станем единым целым!

Маршал почувствовал, как консультанты у него за спиной тяжело вздохнули.

– Согласно последним договоренностям, достигнутым с Делегацией Объединенных цивилизаций, вводятся новые стандарты на помидоры, кукурузу, безалкогольные напитки. Производство кукурузы прекращается, как не соответствующее установленным требованиям и вредное для здоровья Объединенных цивилизаций, а помидоры будут голубыми, и их процент водности будет приведен в соответствие с установленными нормами. Кроме того, число пузырьков в безалкогольных напитках понизится на тридцать пять процентов.

Торбачев строго посмотрел с экрана.

– Я прекрасно знаю, что есть скептики, даже провокаторы, которые не верят в успех и всеми силами пытаются нам помешать. Сейчас, однако, не время заниматься этим. Придет день, и они получают по заслугам! Как бы ни хотелось некоторым, но усилия, которые мы прилагаем, высоко оцениваются нашими внеземными братьями. Мы ежедневно получаем от них поощрительные послания, которыми они выражают свою поддержку нашему присоединению к Объединенным цивилизациям. Жертвы, на которые нам пришлось пойти, уже вознаграждены. С принятием последних изменений насчет помидоров и кукурузы, мы получили приглашение присутствовать на 146-м съезде Объединенных цивилизаций. Я повторю только заключительные слова приглашения, полученного лично от Председателя Съезда: «Ваше участие даст нам возможность положить новое начало, устраняющее и последнее различие между нами».

Президент прокашлялся от волнения и глубоко вздохнул.

– Корабль, который отвезет меня и все федеральное правительство на Съезд, уже ждет нас на аэродроме Буш-младший. Земляне, то, за что мы боролись, превратилось в реальность! Меньше чем через сорок восемь часов мы станем частью большой космической семьи!

– Ну и сдалась вам эта космическая семья? – простонал Стантски. – Сил моих нету!

Главный секретарь выключил телевизор и обратился к людям в зале:

– Вы слышали достаточно. Это же полный успех! Стантски, сядь, перестань скакать, как обезьяна! Кстати, сказанное насчет скептиков относится именно к таким, как ты. Так что подумай хорошенько, как будешь себя вести в будущем...

Биолог гневно замычал, но смолчал. Консультанты качали головами и тихо перешептывались.

– Ничего не выйдет из этого.

– Мы слишком торопимся. Для чего форсировать события?

– Как для чего? Мандат Горбачева заканчивается в следующем году. Если до тех пор нас не примут, он не сможет записаться в историю. А ему больше нечем похвастаться.

– А во сколько нам это обойдется?

– Даже не хочется думать. Говорят, Индийский океан может вовсе исчезнуть. И для чего? Кто будет есть эти голубые помидоры, спрашивается?

– Не мы, это точно.

– А салат, а? Не говоря уже о поросятах...

– Ох, как только подумаю...

Стантски не выдержал, снова вскочил и ринулся из зала. Скользящие двери едва успели пропустить его. Маршал крикнул что-то ему вслед, но тот даже не услышал.

Биолог вылетел на улицу и пошел по тротуару куда глаза глядят. Как ни странно, но он почувствовал некоторое облегчение. Еще немного, и это безумие кончится. Двенадцать лет, целых двенадцать лет его жизни ушли на то, чтобы бороться чуть ли не за каждую земную культуру и в конце концов отступить, терпеть поражение за поражением. А как все радовались вначале! Братья по разуму, новые знания, приобщение к Объединенным цивилизациям... Трепотня, и только!

Он чуть не наступил на попавшуюся ему под ноги собаку. Пес обиженно чирикнул и отступил. Согласно Меморандуму о допустимом шумовом уровне, лай собак превышал допустимые границы, поэтому с помощью генной модификации четырехногие любимцы уже не лаяли, а чирикали, как воробьи.

Биолог выругался и пошел дальше, возвращаясь к своим мыслям. Конечно, первоначальная радость быстро прошла, и началась серьезная вроде бы работа. Подготовка к принятию в Съезд Объединенных цивилизаций... Какая пародия! Каждая страничка знания обходилась Земле в огромные количества воды – единственной конвертируемой валюты, которую Объединенные цивилизации ценили. Но подготовка к присоединению была более чем странной. Как будто не земляне готовились жить среди других носителей разума, а они сами намеревались поселиться на Земле. Все делалось по их стандартам. В Латинской Америке и Восточной Европе изменили климат таким образом, чтобы он стал подходящим для андромедианцев и галлейцев, а также и для других родственных им цивилизаций. Единственной земной культурой, оставшейся в этих областях, был хлеб, притом весьма странного синего цвета. Некоторые предприимчивые бизнесмены пытались гнать из него самогон – тоже синий, конечно, даже и вкус у него был как будто синим.

Стантски не заметил, как оказался всего за два переулка от своего дома. Хорошо и то, что у них еще были дома. Это был один из вопросов, по которым даже Объединенные цивилизации еще не достигли единомыслия. Никто не хотел отказаться от домашнего уюта – альфиане жили в кислородных пузырях, парящих в атмосфере, пирсы – в землянках, наполненных литиевым раствором, а галлейцы свисали с жердей, вкопанных в землю. Вообще, быт пока

выживал, за счет тысячелетней земной культуры, обреченной на исчезновение. Объединенные цивилизации ничего не знали и знать не хотели о литературе. Шестьдесят пять процентов из них не имели аналога человеческих зрительных органов. Переговоры были непосильно тяжелыми хотя бы из-за того, что документы сначала трансформировались с мыслекристаллов на бумагу и уже потом переводились на понятный язык. Музыка должна была пройти через такую серьезную трансформацию, что Моцарт, услышав свои произведения в их новом варианте, отрезал бы себе обе руки, чтобы не написать ни ноты больше. Официальный унифицированный язык, который использовался Съездом Объединенных цивилизаций, был похож на кашляющее шипение, и земная администрация проходила усиленные курсы по овладению им. Появились даже родители, которые запрещали своим детям говорить на земных языках и заставляли их использовать только официальное наречие...

Стантски тяжело вздохнул и медленно поднялся по лестнице к своему дому. Дверь автоматически закрылась за ним. Он прошел через гостиную и опустился на диван перед телевизором. По спортивному каналу передавали новый спорт кулу-палу. Это была игра, чьи правила никто не понимал, но все транслировали ее, хотя и с убытком для себя, потому что федеральная политика была направлена на приобщение людей к новым ценностям. С интересом смотрели ее только жители Северной Америки... Он переключил канал, и перед ним снова всплыло лицо Президента Торбачева. На этот раз, однако, рядом с ним сияла и квадратная физиономия Маршала. Передавали следующую бесконечную пресс-конференцию.

– Моя мечта сбывается, – слезливым голосом уверял Маршал. – То, о чем еще ребенком...

Стантски щелкнул пультом дистанционного управления и застонал в отчаянии. Здесь шло интервью с Председателем Делегации Объединенных цивилизаций на Земле. Председатель был гуманоидом с Кассиопеи с выпученными глазами, синими губами и дергающимся хоботом вместо носа. Голос за кадром переводил его слова. Перевод был обрывочным и весьма неполным, так как специалистов по внеземной лингвистике еще не было.

– ...Ждем приезд вашего президента на Съезд... Это будет символическим актом... покажет, что мы и вправду – как один... Смелость вашего президента – впечатляющая... Принятием приглашения он лично присоединится и поставит не только свою подпись под этим Меморандумом...

Биолог выпрямился и замер перед телевизором. Странная мысль возникла в его голове...

– Конечно, это является индивидуальным актом, – продолжал Председатель Делегации. – Никого нельзя заставлять насильно, и именно по этой причине мы ценим еще больше...

Стантски рассмеялся истерически, стал серьезным и затем снова рассмеялся...

Земная делегация толпилась в зале ожидания космодрома. Президент, окруженный журналистами, давал прощальные интервью, снимался с ребятами, щипал их за щеки и пытался отпускать шутки. Маршал отделился от свиты Торбачева и направился к группе консультантов-биологов, которые пришли проводить делегацию.

– Рад вас видеть, – важно сказал Главный секретарь. – А, ты тоже здесь...

Последнее относилось к Стантски, который с широкой улыбкой махал всем членам делегации и желал им доброго пути.

– Стоило прийти посмотреть, – ответил биолог. – Такое не каждый день увидишь.

– Я так и знал, что ты образумишься, – вздохнул Главный секретарь.

Стантски дружески похлопал его по плечу и слегка увлек в сторону.

– Я хотел, чтобы ты услышал об этом от меня. Было бы нечестно, если бы ты узнал обо всем от кого-то другого.

Лицо Главного секретаря снова стало серьезным.

– Чего тебе опять надо?

Стантски однако не спешил отвечать. Он хотел насладиться каждым мгновением. Каждым мгновением!

– На этом Съезде, – начал он, – земная делегация подпишет еще один Меморандум. Ты, наверное, знаешь об этом. Меморандум символического значения.

Маршал хмуро посмотрел на него и фыркнул.

– Я знаю, какой-то меморандум о равенстве полов и братстве во Вселенной или что-то в этом роде... Я его не читал. Подпишем, конечно, чего же не подписать. Или ты опять будешь меня убеждать, что этого нельзя делать, и протестовать?

– Как раз наоборот, – ухмыльнулся Стантски. – Я очень хочу, чтобы вы его подписали. Не то чтобы у вас был выбор, но мне все-таки хочется, чтобы вы были подготовлены заранее.

– К чему? – нервно прошептал Маршал неожиданно тихим голосом.

Они стояли несколько поодаль от группы провожающих, и поблизости не было никого, кто мог бы услышать.

– Этот меморандум... – улыбнулся биолог и зевнул с нарочито скучающим видом. – Ну, этот меморандум подразумевает некое более особое равенство полов.

Главный секретарь нервно постукивал ногой.

– Наверное, опять вышла ошибка с переводом, но как ты хорошо знаешь, большинство Объединенных цивилизаций уже много веков состоят только из одного пола. Половое разнообразие обречено на постепенное и естественное исчезание.

– Ну?

– И теперь, присоединяясь к большой космической семье, – Стантски произнес с наслаждением любимую фразу Маршала, – мы совершим символический жест.

По лбу Главного секретаря катились крупные капли пота.

– Символический жест, которым Президент Торбачев и его сопровождающие должны показать свою готовность к присоединению, только и всего. Это ни к чему не обязывает народы Земли, главное – продемонстрировать, что мы готовы сделать свой эволюционный выбор. Ну, как написал Председатель Съезда в своем приглашении Торбачеву: «Ваше участие даст нам возможность положить новое начало, устраняя и последнее различие между нами».

Биолог наклонился к Маршалу и что-то шепнул ему на ухо. Глаза Главного секретаря расширились от ужаса.

– Не может быть!..

Стантски пожал плечами и подмигнул ему:

– Что тут такого? Обычная манипуляция. Отрезали – и все.

И он сделал недвусмысленный жест рукой, как будто отрезал что-то и бросил его в сторону. Маршал отступил на шаг и беспомощно огляделся.

– Ну-ну, – дружески похлопал его по плечу Стантски. – Раз общее благо требует...

И биолог подтолкнул Главного секретаря к земной делегации, которая уже входила в космический корабль.

Янчо Чолаков. И спросил солдат: «Кто меня позвал?»

На десятый день они предположили, что уже отделились достаточно. Уже с неделю они не меняли маршрут в пустоши, ровной, как зеркало, и голой, как любимая сорок вторая жена императора.

Святой солдат, добрый или плохой, облокотился на острый борт кузова цвета кузнечика или ящерицы, а его транспортное средство едва тащилось под ним. Дети в части машины, похожей на кузов грузовика, росли прямо не по дням, а по часам. Они в самом деле выглядели, как детеныши животных, как сосунки в яслях или щенки в конуре.

Абсурдно было то, что они никогда не видели ни ящериц, ни кузнечиков. Ни сосунков в яслях, ни щенков в конуре. Святой солдат смотрел на Тонатиух, солнце миштеков, которое висело в своей печи, подобно большой желтой пилюле в воспаленном горле неба, а рука горя сжимала его сердце. И горе это казалось важнее и значительнее, чем то, что его порождало. Само по себе, одно, как и он...

Пустошь раскинулась перед глазами, без конца и края, без других красок, кроме своих собственных. Как будто вышедшая из онирического видения. Наточенные облака, словно кинжалы, лежали, разбросанные в беспорядке над горизонтом. Кое-где росла куя. Повсюду все та же противная куя, из лыка которой местные шили свои коричневые накидки. Ни одного другого растения. Ни одного животного. Ни одной бациллы, из-за чего никто не страдал заразными болезнями, а раны не подвергались инфекции. Подходящее место быть раненым. Без сомнения. Если, конечно, в случае злополучного инцидента либо войны не отрубят тебе конечности и священная жидкость твоего тела не истечет...

Через километр транспортное средство прохрипело и остановилось.

– Техника паршивая! – вздохнул Святой солдат, и в его голосе ощущалась незнакомая даже ему самому злость.

Его вездеход нуждался в серьезном ремонте, чтобы ехать дальше. А он не имел ни времени, ни помощников. Он был лишь простым солдатом, посланным на рекогносцировку, хотя и из отряда белых пехотинцев, которые боготворили своего харизматического командира Эрнандо, как Господа. Другой проблемой было то, что провиант мог скоро закончиться, и тогда наверняка ему пришлось бы резать куски от себя и класть их в микроволновку. Шутки в сторону, но и это не было выходом из положения...

Он спрыгнул вниз и начал осматривать свою тачку, бросившую якорь на это высохшее дно, будто громоздкую скульптуру художника-авангардиста, сделанную из металллома. Статуя Бога войны из утиля. Запущенная и разваливающаяся машина в форме рака-отшельника в полной гармонии с местностью, где она оказалась.

На спине и по бокам металлического ракообразного возвышалось целое селение из барачков, бункеры с амбразурами, прожекторы, ниши с легкой артиллерией и пулеметными гнездами, расположенными на защищенных колючей проволокой двух боковых улицах. В таком виде оно было больше похоже на самоходный концлагерь, чем на организованный в спешке спасательный пункт, в котором нашли свое последнее убежище двадцать обреченных малышей.

Сколько их было в самом деле? В начале он был настолько занят сохранением их жизни, что заставил ребятшек самих себя подсчитать, и тогда черноглазый Тонака нарисовал на своей пиктографической брошюре красный флажок, соответствующий цифре 20. А для преследователей, которых все еще было видно позади, он нацарапал рисунок горящего куста куи, что означало «четыреста». Этот символ переводился еще и как «столько же, сколько волос на голове». Еще больше запутывало то, что имена людей народа мешика являлись сочетанием порядкового числительного и названия какой-либо обиходной вещи.

Они покинули столицу, названную Городом Теноча, на второй день месяца, названного «ветром», в последний час ночи, принадлежавший Богу дождя Тлалоку, а сейчас уже близился полдень шестого дня – «голова смерти».

Святой солдат присел на рельефную шину. С каких пор он не спал? Кажется, глаз не сомкнул с тех пор, как покинул престольный город. Точно. Вот и пилюли, мешавшие ему заснуть, кончились. О боеприпасах не стоило и говорить. В завершение всего временами его терзал кашель.

«Господи, – подумал устало он, – я больше ничего не мог сделать! Чудо, которое я сотворил для чад твоих, закончилось, Господи!»

– Что случилось, солдат? – склонилась к нему желтоликая головка Ицко, чье полное имя было Ицкопоцакл.

Сколько ему было лет? Пять? Или шесть?

– Почему мы опять остановились?

– Мой стальной жеребец сдох.

– Жеребец?

– Да...

– Вот они! Идут! – вскрикнул кто-то.

За ними, вдаль, ползли, как муравьи, машины на воздушной подушке, высланные вельможами текухтли по велению самого Верховного правителя. Они должны были догнать Святого солдата, раздавить ему голову, как паршивой лягушке (хотя и не имели понятия, что такое «паршивая лягушка») и вернуть обратно своих любимых мальцов. И положить конец этому крестonosному походу детей. Детей, которых так сильно любили. Так сильно, что никогда бы не позволили им дойти до Земли обетованной...

Подобно древнему солдату, надевающему штык на ружье, он машинально протянул руку и снял с ремня зеленую армейскую коробку. Он положил ее рядом с собой, погладил ее жестом, в котором ощущалась какая-то отреченность, как сумасшедший, которого не касается происходящее вокруг. Его задумчивость длилась всего лишь несколько секунд.

– Что это, солдат? – спросила его Читка, хрупкая девчонка с робким взглядом, поцарапанными коленками и соломенно-русскими волосами, которые редко встречались на этих широтах.

– Бомба, дитя, – ответил он. – Бомба многоразового пользования.

– Эх, солдатик, ты голова! – воскликнул Ицко. – Опять сотрешь их в порошок, как тогда, за Домом Ометекухтли, знаю я!

Дом Ометекухтли был религиозным архитектурным ансамблем, посвященным вездесущему миштекскому богу, чье прозвище в приблизительном переводе было «Хозяин нашего бытия». Там, после побега из самого густонаселенного столичного района, чтобы спасти двадцать душ маленьких существ, Святой солдат отнял двадцать других – души бывалых бойцов, шедших за ним, чтоб остановить...

Вспышка радости Ицко была, как пламя ледяной свечи. Святой солдат не ответил сразу. Наконец сказал:

– Подождем их здесь.

Не стал объяснять, что им ничего другого не оставалось. Абсолютно ничего...

Время шло. Контур машины растекались среди клубков фиолетовой пыли. Десятки расплывчатых призраков из мельхиора и других незнакомых сплавов, которые даже не оставляли колеи за собой. Они с рычаньем шли на охоту за ним, и это был, пожалуй, единственный знакомый им вид охоты.

– Солдат, а у тебя есть сыновья? А дочурки?

– Они тоже на ферме растут?

– Почему твои погоны с крестами? А вензеля?

Загодя он показал им свою униформу.

– Что такое причастие? А правда, что вы пьете кровь своих богов, вместо того, чтобы они пили вашу?

– Как зовут твоих жен? – спрашивали дети, спрашивали без умолку. – Что им даришь ты в дни радости?

– Розы, – ответил он.

– Розы? – удивлялись они. – Что такое «роза»?

Был еще один трудный вопрос – Ицко задавал его не раз на своем диалекте, который относился к общему языку наутл:

– Что происходит с вашими детьми после того, как они вырастут? У нас каждый восьмой ребенок идет в школу, а остальные...

Преследователи были уже совсем недалеко. Их силуэты выплыли из клубов пыли. Теперь дети молчали. Округленные глаза некоторых из них оставались сухими. Другие тихо всхлипывали. Стояли, вцепившись в колючую проволоку пальцами, и смотрели туда, на родителей, пришедших избавить их от него.

Вдруг Читка схватила его за брюки.

– Ты ведь не позволишь нас поймать? – прошептал Ицко.

– Нет, генерал, – отозвался солдат. – Нет, мой мальчик. Я вас просто так не отдам. Я никогда б не сделал этого!

Фиолетовая пыль навевала безнадежность. Вор детей посмотрел в последний раз на свое завоеванное живое богатство. В его глотке застрял ком. Он опустил ладони на детские плечи и медленно выпрямился.

Десять дней спустя его привезли в престольный город связанным веревкой. Сначала привели к врачу, который дополнительно пристегнул его турникетом, после того как на всякий случай поковырял в ранах грязным пинцетом. Потом отправили под конвоем в какое-то имперское ведомство, где зарегистрировали как военнопленного и выдали ему временное удостоверение личности на пластмассовых листах. На каждом пропускном пункте останавливали и пробивали в документах дырку. Задержались у здания Министерства смерти, куда один из сопровождающих вошел навести справки. Он вернулся оттуда после четверти часа с инструкцией, и арестованного снова повели куда-то, надев перед тем на его шею что-то вроде хомута в форме подковы, длиной в полметра и шириной около тридцати сантиметров. Сквозь дырочки в нем были просунуты веревки из горькой куи с узлами на концах, которые сторожи скрещивали так, что верхняя половина его тела была почти обездвиженной. Зашагали по дороге, а прохожие подсматривали за ними краем глаза. Никто не бросил камень в него, никто не нагрубил ему. Ведь в его венах текла кровь – пища богов. Наверное, ему будет оказана высокая честь быть откормленным и обученным играть на флейте. Ему позволят выбрать себе в невесты красивую девушку, и только после этого с него сдерут шкуру заживо или вырвут сердце – судьба, которая у обыкновенных граждан могла вызывать только зависть...

Бежавшие рядом сорванцы, однако, шутили над ним, кололи его оголенными проводами и булавками, выпучивали выразительно глаза и показывали ему кукиш – символ, понятный любой человеческой цивилизации.

Прошли мимо богатой витрины одного из сети магазинов, предлагающих все для покойников. Святой солдат видел их и раньше, но и теперь, как и тогда, не смог сдержаться, чтобы не взглянуть. Для более состоятельных обеспечивали полное мумифицирование, а для нищих – только копчение и сушку головы дорогого мертвеца. Солидные базальтовые урны, пестрящие мелкими орнаментами и иероглифами на шлифованных поверхностях, неудержимо заманивали пыль кремированного на костре из сухой куи. Выставлены напоказ были и макеты гроб-

ниц, всмотревшись в которые он без труда распознавал искусственное, но искусное подобие пещер.

Наконец они вышли на широкий бульвар и оказались перед вздернутым в небеса носом Императорского дворца – вершины монументальной архитектуры. В его каменную макушку были вбиты знамена из золотых сетей. Подданные федерального района звали своего повелителя Шокоицином, то есть, Младшим...

На секунду Святой солдат забеспокоился, что его заставят подняться по всем обрызганным кровью и украшенным вереницей настоящих и кварцевых черепов 365 ступеням восьмьюрусного здания, каждая из которых отвечала одному дню миштекского солнечного года. Но вместо того его повели к пышному лифту, похожему больше на паланкин, и передали вахтеру с улыбкой, похожей на разбитую банку, и голым пузом, подпоясанным кобурой, в которую была запихана малокалиберная двустволка. Вахтер загнал его в кабину лифта, и они поднялись неведомо в какую высь, учитывая насколько высоко в иерархии этой культуры стоял Шокоицин. Над ним были только Ометекухтли и его жена, которые обитали на тринадцатом небесном этаже и давно забыли о человеческих делах...

Его ввели к повелителю Шокоицину через огромную дверь. Петли приоткрыли ее со скрипом бедренного сустава, сломавшегося пополам. Не ожидая сигнала, присутствующие сановники удалились шеренгой, оставив их наедине. Никто не схватил его за хомут и не стал толкать, из чего следовало, что от него не требовалось встать на колени или броситься в ноги Самой-самой-самой высшей особы в этом негостеприимном государстве.

Император как раз заканчивал свой обед.

– Ты голоден? – спросил Шокоицин.

Вопрос его был провокационным, улыбка – кривой. Императора мучила мигрень, и его тошнило. Даже жевательные мускулы челюсти одеревенели от головной боли. Череп его был умышленно деформирован в соответствии с пониманием народа о красоте, а зубы его, тланти, были украшены пластинками из нефрита.

Святой солдат ощутил спазм в желудке.

– Нет, – с отвращением покачал головой он.

Виски его пульсировали. Он сверхусилием заставлял себя не заглядывать в фосфорические блюда с неоновыми ручками и не рассматривать объедки.

Владелец вытер пальцы об слюнявчик из куи. Его коричневые одежды, богато окрашенные узорами и торжественными кружевами, были из той же куи – единственного здесь растения, напоминающего лен или коноплю, из которого шили одежду, вязали циновки и покрывала, но оно не было съедобным. Некоторые из его разновидностей даже выделяли липкий ядовитый сок.

– Ты знаешь, кто я? – спросил Шокоицин.

– Знаю, – ответил Святой солдат. – Эль. Кронос. Сатурн.

– А эти кто? – и, не дожидаясь ответа, император отодвинул в сторону свой терракотовый прибор.

Он потянулся рукой за кувшином с минералкой и выпил ее большими глотками... Боль сжимала его затылок, как в тисках. Он приподнялся с золотого стула с фигурками уродливых мальчиков. Его одежда была увешана всевозможными украшениями. Неясно было, которые из них имеют эстетическое и которые – функциональное назначение. Один черт мог сказать, например, для каких целей были предназначены заполненные инертным газом шланги и трубочки, которые неугомонно струились слюнявым светом и словно огибали пространство вокруг тела. Его благолепное одеяние было образцом изящества и четкости.

Шокоицин повернулся и снова наполнил кувшин. Потом с трудом покинул спинку стула, заковылял по бирюзовому полу к нему и поднес кувшин к его иссохшим губам. На этот раз

Святой солдат не отказался. Он проглотил воду и почувствовал себя только что политым цветком.

– Там, откуда ты пришел... где бы оно ни было, ты был отцом?

– Нет, моя супруга была бесплодной.

– Понимаю. А в этом городе мно-о-ого детей, так ведь?

– Объяснить не так уж просто. Я...

– Молчать! Ты поднял руку на наше потомство. Кража детей – это, возможно, тяжелейшее по нашим законам преступление и карается оно смертью. Но не такой смертью, которая отправила бы тебя счастливым на небеса, а презренной виселицей, когда ты не сможешь отдать кровь и сердце свое всевышним, потому что целость твоей плоти останется нетронутой.

Шокоицин вызывающе смотрел на него. Сознал ли этот незнакомый человек, о чем идет речь? В империи миштеков смерть занимала место важнее, чем жизнь; она могла быть как унижением, так и наградой за дела подданного. После исполнения приговора Святой солдат был бы предан вечному позору. Казнь виселицей была одновременно «вылуплением», отменяла право загробного существования. Не было и быть не могло ничего более страшного, чем лишение права быть принесенным в жертву на алтаре богов и, тем самым, невозможность душе твоей оказаться в солнечной стране Тлалокан...

– Зачем тебе они, эти двадцать детей? – прошептал неожиданно солдат. – Чтобы они присутствовали на твоём столе?

– Ты что, издеваешься? – ошетинился император. – Вовсе нет.

Какое-то время они измеряли друг друга взглядами.

– Меня известили, что тебя нелегко было поймать... – сказал наконец Шокоицин. – Многие из наших оставили свои кости в той безводной равнине.

– Да, – ответил с удовольствием Святой солдат. – Их было весьма немало.

– Детвора назвала тебя «Человеком, который выбрал войну». Чем ты заманил их пойти с тобой? Собирал их по дороге, похищал с ферм на окраинах, так, что ли? – Он ткнулся лицом в его лицо и обжег своим дыханием. – Шастают ли и другие изверги вроде тебя по моей стране?

– Я всего лишь простой рядовой, шедший в разведку. Но очень скоро вслед за мной появится десантный отряд Эрнандо.

Император поднял правую бровь. Очевидно, это имя ему ничего не говорило.

– Эрнандо? Да кто это такой?

– Лейтенант из пехоты. По случайности приходится моим дядей. Он солдат лучше, чем я.

– Сколько человек с ним?

– Около трехсот, если считать и дружину наемников тласкаланов.

Шокоицин громко рассмеялся, несмотря на боль, угнетавшую его.

– Твой дядя, наверное, совсем с ума сошел... Даже и без дополнительной мобилизации моя регулярная армия на данный момент насчитывает около трехсот тысяч хорошо обученных бойцов, не говоря об остальных войсках конфедерации! Наши пулеметчики и наши переносные лазерные установки раздавят его отряд еще на границе с Аскапоцалко. Или он придет с Еекатепека? Ты мне не ответишь, знаю... – Вдруг он вспомнил о чем-то. – Мне доложили, что сразу после того, как тебя поймали, твое транспортное средство обвилось темно-желтым сиянием и распалось на кучу искр?

– Предохранительная мера, чтобы не попало в чужие руки. Мне запрещено говорить, как это происходит.

– А где ты так выучил наш язык?

– Ваши учебные пособия, предназначенные для все новых и новых жителей империи, мне оченьгодились. Я накопил себе словарей и разговорников в Олмекане, родине письменности. Кроме того, есть и один гипнотический способ – запоминать, когда спишь. Как видишь, наши медики не хуже твоих потомственных шаманов.

Пока говорил, Святой солдат смотрел через нестандартно раскроенный лист стекла ближайшего окна – часть концепции «текущего пространства» безымянного архитектора, при которой и время включено как компонент. Многомиллионный город был расположен на острове посреди соленого озера, на поверхности которого поблескивали белые кристаллы. Набережные-насыпи связывали его с соседними поселениями, брюхо города было полно каналов и клокочущих гофрированных труб, а висячие мосты тянулись с одного строительного модуля к другому. Фундамент некоторых зданий утопал в воде. Железо являлось одним из основных скелетных и формообразующих элементов многоэтажных металлоконструкций, стройка которых подчинялась требованию исполнить все прямыми линиями, изгибами и углами. Пирамидальные храмы, теокалии, воняли копаловой смолой, которой священнослужители кадили во время жертвоприношений. Среди этой окаменевшей математики поражало обилие полудрагоценных камней, используемых для украшения множества мозаик. Святой солдат увидел, как татуированные с головы до пят блюстители порядка с обсидиановыми парадными ножами и дубинками на поясе брызгали слезоточивым газом на горстку демонстрантов, которые скандировали перед мемориалом жречества в поддержку идеи о переработке фекалий с целью их использования в качестве пищевых продуктов. Гвардейцы вытянулись у постамента с бьющимся сердцем, в аорту которого были вмонтированы опрыскиватели, разбрасывающие кроваво-красные струи во все стороны. Говорили, что некоторые родители нарочно калечили своих детей, чтобы устроить их в музей человеческих уродов. Он был придуман самим Шокоицином, и возле него всегда стоял в очереди народ, в то время как перед Обсерваторией и окруженной клубами по интересам ступенчатой Академией искусств редко появлялись люди, даже когда вручали призы победителям всенародных поэтических конкурсов, организованных религиозным реформатором – принцем Несауалкойотлом. Туда, однако, часто наведывались штатные шпионы и культурные революционеры при кобурах, посланные Министерством внутренней стабильности. Даже и отсюда, из окна с хромированными рамками над 365-й ступенью, человеку казалось, что он слышит гвалт из так называемых домов песен и шумные крики со стадиона, где играли в нечто вроде мезоамериканского эквивалента баскетбола. Некоторые из домов удивляли, так как были похожи на игральную кость, брошенную на ребро, а их стены были исцарапаны замысловатыми надписями. Везде отгалкивающее шло рядом с гротеском.

– Вернемся к вопросу: «Ты откуда?» – прочистил горло император, тем самым напомнив ему о своем существовании.

Он достал какой-то прибор со шкалой, вставленный в коробку из прессованной куи, с намерением следить за его показаниями, пока длилась вторая фаза допроса.

Святой солдат, видимо, был в затруднении.

– Я оттуда, откуда пришел несколько столетий назад единственный белый бог в вашем пантеоне. Из Земли Восходящего Солнца, которая находится далеко за океаном.

Шокоицин сжал губы, вглядываясь в измерительную шкалу.

– За пределами Великой воды нет ничего, – возразил он. – Это известно каждому более-менее нормальному индивиду. Ни один из наших путешественников...

– Ваши путешественники – навоз, – прервал его Святой солдат. – Ваше кораблестроение никуда не годится. Вам не знакомо даже колесо.

– Что? – опомнился Шокоицин. Боль пронизывала тыльную область его мозга.

Что касается Святого солдата, то он был совсем истощен и еле стоял на ногах. В его груди хрипело и свистело. Вопреки всему, он заставил себя заговорить вновь:

– Среди вещей, которые у меня конфисковали при обыске, есть один предмет, подобный вашим голосовым устройствам. Аккумулятор сел, и поэтому он выключен, но пока функционировал, я связался с Эрнандо и ознакомил его с фактической обстановкой.

– И где он теперь, этот твой Эрнандо?

– Он покинул берег, где высадилась наша пехота, и уже идет сюда.

– Да кто его приглашал?

– Никто. Мы представители христианского племени, обитающего на материке за пределами гигантского стерильного океана, который вы называете Великой водой. Тот материк был обитаем с незапамятных времен, еще до заселения этого. Оттуда много 52-летних циклов тому назад пришли и ваши предки, хотя вы уже давно забыли правду об этом.

Император схватил коробку с беспроводным детектором лжи, которую активировал чуть раньше, и разбил ее о пол. Разлетелись пружины.

– Правду? – крикнул он. Его ожерелье из жемчугов величиной с яйца перепелки и ювелирные украшения, состоявшие из 900 звеньев, яростно раскачивались. – А я думаю, что ты пытаешься меня обмануть! Мнение моих экспертов никак не соответствует твоим сказкам! Оно отличается от тех небылиц, которыми ты морочишь мне голову уже полчаса. Кто тебя послал к нам? Отвечай! И не пытайся вешать мне лапшу на уши!

Святой солдат покачал головой.

– Кому ты служишь? – мрачно спрашивал его император. – Северянам или южанам? Соединенным ирокезским штатам, чей главный вождь Та-Иа-Да-К-Ву-ку получил волдыри на языке, уговаривая меня, что хочет заключить Не-Скен-Нон, Великий мир, а за моей спиной строил планы о союзе с апахами Мангаса Колорадаса, чтоб продать им свои некачественные лазерные ружья? Или, может быть, ты служишь Инке Уайне Капаку, владельцу нашей соседки, империи Тауантинсуйо? Его секретные эксперименты в высокогорных полигонах и испытания химического оружия в Андах не являются секретом ни для кого. Или ты шпион, жадный на золото того кретина, короля Эльдорадо? Врет, насколько он богат, а на самом деле казна его пуста...

– Ты не понимаешь... – сказал в отчаянии Святой солдат. – Грядет время перемен. Скоро все изменится. Если сегодня твои подданные боятся посмотреть тебе в глаза и считают тебя живым божеством, завтра они могут забить тебя камнями до смерти!

Внезапно монарх чихнул так, что застрялся. Лицо его стало пунцовым от гнева.

– Ты тот, кто нас погубит! – крикнул он яростно. – Твое появление уже принесло нам несчастье! Вот, теперь проклятие перекинулось и на меня! Что это за чудо, которое распространяется по воздуху и морит нас?

Святой солдат улыбнулся грустно. Видно было, что он был истощен до предела.

– Маленькие живые существа, известные как вирусы, – ответил он. – Они настолько малы, что не видны невооруженным глазом. Они являются причиной возникновения болезненных явлений, таких как кашель, насморк, отхаркивание. За ними к вам нагрянут грипп, сифилис, оспа... Поразят многих, и в конечном счете они не выживут. Просто с непривычки. Поколения нужны, чтоб создать себе иммунитет и приспособиться.

– Ты принес все это, правда? – Вопрос больше походил на констатацию. Император рухнул на свой блестящий стул, понутив голову. – В тебе нет ничего человеческого, – простонал он. – Знаешь ли ты, что это уничтожило и часть детей, которых ты тащил с собой? Например, того мальчика, Ицкопоцакла...

Святой солдат зажмурился. У него кружилась голова. Ему хотелось плакать. Может быть, наконец, он сможет понять, что такое заплакать...

– Я полагал, что именно так и произойдет, – глухо произнес он. – Но у меня не было другого выбора. Никакого другого выбора не было... Ты должен любой ценой услышать то, что я хочу тебе сказать. У меня есть предложение...

– Никаких предложений не буду слушать! – закричал монарх. – Даже если нежелание выслушать эти предложения приведет весь мой мир к краху!

– Речь идет о чем-то важнее жизни... – пробормотал солдат.

Звук ломающегося бедренного сустава снова раздался в зале. Откуда-то выскочили два палача и схватили его под мышки.

– Немедленно, – орал повелитель миштеков, – тебя выведут во внутренний двор этого здания, и ты будешь повешен в назидание всем! И для этого не нужно решение Верховного совета, так как в моих полномочиях осудить тебя и приказать немедленно привести в исполнение приговор. Будь ты проклят! Отнимаю у тебя право подняться по лестнице храма и быть принесенным в жертву на алтаре богов. Ты будешь обречен на всеобщее презрение, и ногой не ступишь в солнечную страну! Нигде не найдешь вечного покоя. Наши жрецы культа хотели вынуть твое сердце, но оно из железа. Никто не нуждается в твоем холодном сердце! – Щипцы боли рвали его затылок, а раскаленные вертела вонзались прямо в мозг. И никакие зелья, и компрессы дипломированных миштекских знахарей не были в состоянии излечить императора от страдания.

Святого солдата потащили на улицу. Даже не воспользовались лифтом. Его больно били по почкам. Они вели солдата по мишкоатле, пути мертвых, с которого не было обратной дороги. Тащили его вдоль конструкций из металлофарфора и серебробетона, обернутых жестью цвета тела, прошли мимо студии для трепанации и кухни имперского повара, обрызганной кровью младенцев, встречали мириады дворцовых служащих в златотканой одежде, спускались все вниз и вниз, вдоль прямых линий, изгибов и углов. Совершенные вентиляционные шахты жужжали тихо, а шахта лифта гудела – нескончаемые звуки, усиливающие ощущение нереальности происходящего...

Они оказались перед быстро нарастающей толпой, и его подняли на стул. Мимо них с ревом промчался фекаловоз на воздушной подушке. Он мчался к септической пустоши за пределами белесого соленого озера. Там были накоплены коричневые горы извержений, которые уже высохли и не разлагались. Пожелтевшие облака над ними напоминали разлитое по небу подсолнечное масло. А как только пойдет дождь, с них пойдут жирные грязные капли и расплзутся ручьи гнуса, смешиваясь с лиловой безнадежностью. После высыхания они образуют чудные, и может быть, даже красивые узоры. Тем, кому захотелось бы вторгнуться в город, чтоб завоевать его, пришлось бы идти по пояс в пестрой, вонючей и чмокающей грязи...

Блуждающий взгляд осужденного скользил по лицам людей вокруг него, а они, в свою очередь, изучали его истощенную и обветренную физиономию. Никто из них не подозревал, что в дверь уже стучится йаойотл – так называли войну на самом распространенном местном диалекте.

На мгновение Святой солдат взглянул вдаль, за пределы конечной цели фекаловоза и плантаций куи. Проклятый мир без единого куста, без единого зверя, без единого микроорганизма в нем. Ну, последнее уже было неправдой...

Две проворные руки сняли его кожаный ремень, просунули свободный край через пряжку и оформили петлю, которой пристегнули его шею.

В голове промелькнула мысль: «Для нас есть две дороги: либо преступление, которое делает нас счастливыми, либо эшафот, который мешает нам быть несчастными». Читал ли он ее где-то, или она возникла в его собственном уме?

Солдат собрал последние силы.

– Люди! – возвысил он голос. – Там, откуда я пришел, есть вещи, называемые растениями и животными. Если вы послушаетесь меня, никогда больше не будете вынуждены, – он с трудом заставил себя выговорить слова, – кормиться собственными детьми, чтобы существовать. Вы будете растить их, но уже не на фермах... Ваши жены не будут служить вам только для приплода, а...

Экзекуторы пнули стул, и он повис. На этом зрелище кончилось.

– Кто-нибудь понял, откуда пришел он? – спрашивали друг друга собравшиеся, в основном пожилые люди со смуглыми лицами. Они окружили с любопытством повешенного, а он как будто отделился от своего тела и посмотрел на себя со стороны...

Теперь он шел вдоль длинного зеленого забора. Он оставил далеко за собой восьмиугольные пятнадцатистены, каналы с хромированными экскрементами, арматурную слизь, plombированные слезы. Тьфу! Такой опухшей гадости во всей истории фекалий не найдешь. Не хотел и слышать больше о Теночтитлане и его трижды неблагодарных жителей. Прощай, Теночтитлан, столица красного и черного цвета! Он неумоимо шел вперед. Намедни он посадил рядом с собой молодого Ицко и разрешил ему идти неверным шагом. Он шел – разрушенный удалец с руинным щитом, с обезлистьевшей грудью и в скромном настроении, а его симпатичный маленький спутник был не прочнее тени, оказавшись без капельки влаги под ссохшейся кожей.

На десятый день к вечеру силуэты пирамидальных зданий за ними вздрогнули Господним грохотом, через чешуйчатую штукатурку пробилась шероховатая кора будущих гигантствольных деревьев, а обитатели города, заодно со своими криками, постепенно превратились в настоящие, вполне настоящие мицелии.

Святой солдат и молодой Ицко вздрогнули, но не обернулись посмотреть, что происходит, и не замедлили шаг. Лес, возникший за их общей испуганной спиной, сросшийся после вздрагивания, был старым, тенистым и душистым, как Средневековье. Странно – именно теперь – какой-то лес. Электрические лампочки светились отраженным обманчивым светом витаминозных глобусов. Тонкокорые твари и живительные сферы одевались в краски. За забором, конца которого не было видно, уже начал торжественно мычать рогатый скот. Время от времени через зазоры подглядывали блеющие бородатые козлы, а жирные свиньи пристально следили за ними. И все эти твари, как и множество других животных и пресмыкающихся, как будто высыпались из чудесного рога изобилия. Или из мифического ковчега Ноя.

Когда зеленые ребра бесконечного забора все же прошли мимо, молодой Ицко показал рукой перед собой, на широко раскинувшуюся голую равнину и произнес что-то с гримасой, точь-в-точь как жаждущий аплодисментов цирковой клоун, который наконец увидел свою дощатую эстраду. Вдали покачивались Белые пятки повешенного и Черная ворона, севшая на его плечо. Вдруг солдат остановился озабоченно. Понюхал небытие. Услышал виселицу и увидел, что босяку-смертнику хочется пить, что его Естество умирает от жары, а Плоть его рождается под клювом крылатого скульптора. Все это он понял, но ветра не ощутил...

Еще десять дней спустя в город вошел Эрнандо Кортес, который был лучшим солдатом, даже лучше Святого солдата. И был он не один.

Перевел Красимир Петров

Григор Гачев. Надлежащий уход

– Почему вы все-таки думаете, что этот ваш... гм, инопланетянин?

– Во-первых, он не мой! Лина, принеси его сюда!

Через несколько минут на лестнице раздался веселый топот.

– Мими, я позвал маму, а не тебя! И сколько раз можно повторять, чтобы ты не трогала это руками?

– Папа, он не «это»! Его имя Снупи! Это я его так назвала! – Она гордо задрала нос. – Правда, ему идет это имя?

Инспектор смотрел как загипнотизированный на бесформенный ком зеленого желе в руках моей дочери. Он был похож на Черчилля в момент, когда ему сообщили о нападении Германии на Англию.

– Идет, – вздохнул я. – Очень идет. Просто положи его куда-нибудь в другое место.

Мими скорчила обиженную гримаску, но аккуратно положила желе на пол. Оно быстро подтекло к ней и потерялось о ее ноги. Я уже перестал принимать это в штыки. Если бы это было опасно, то до сих пор я не знаю, сколько бы раз... Б-р-р-р.

– Почему мне нельзя держать его, папа? Он очень ласковый!

– Нельзя. И не мешай нам, мы говорим о серьезных вещах.

Было не к месту ругать ее перед региональным инспектором по надзору за порядком. Мне с трудом удалось связаться с ним, и я даже не знаю, как он согласился приехать лично. Похоже, переименование министров в инспекторов в связи с прибытием инопланетян и объединением стран оказало положительное влияние.

Инспектор невольно пригладил чуб на плешивой голове и прокашлялся:

– Да, я понимаю. Кхе... Кхе... Вижу, что... это не похоже на земную форму жизни... А что вы предлагаете?

– Вызовите какого-нибудь инопланетянина, чтобы он объяснил, что это такое и... – Я украдкой посмотрел на Мими. – Что с ним надо делать.

Посетитель смахнул мнимую пылинку с лацкана пиджака и сурово глянул из-под нависших бровей:

– Скажите, это нечто вам реально мешает?

– Естественно! Я постоянно в напряжении, когда оно рядом!

– Я не это имею в виду. Нанес ли он вам конкретно, гм, какой-либо вред?

Я невольно посмотрел на повязку на своей левой ладони.

– Нет. В самом деле, я не помню такого случая.

– А это, гм, на ладони? Давайте внесем полную ясность.

– Горелкой обжегся... Одолжил горелку и попытался сжечь это, но так как я не умею работать с горелкой...

– А это, гм, не пыталось защититься?

– Нет. Оно никогда не защищается. Хоть молотком бей – не трепыхнется даже. Стреляешь по нему – не шевелится. Режешь – не шевелится. Я бы даже сказал, что в какой-то момент подстраивается поудобней. Разумеется, удобней для него, если понаблюдать за эффектом.

– Вот видишь, папа! Он такой добренький, а ты его только мучаешь! – вмешалась Мими.

– А вы пробовали не кормить его? – полюбопытствовал инспектор.

– Ну... Кажется, мы не знаем, что он ест. И ест ли вообще.

– Он ест бутерброды, папа! Я ему отдала свой, самый невкусный. Он все-все съел, до последней крошки!

Я мысленно перекрестился.

– И не только бутерброды, – услышал я голос Лины позади себя. Я не заметил, как она сошла по лестнице. – Я думаю, что он ест мусор.

– Мусор? Я никогда не видел, чтобы он копался в мусорном ведре.

– Я тоже. А известно ли тебе, что дом иногда нужно подметать и мыть?..

– Известно, конечно...

– Так вот, уже две недели я ничего не мою и не пускаю пылесос. Всюду сияет чистотой. Несколько дней назад я забыла помыть посуду после ужина – утром тарелки сияли как новые. Одну тарелку я отнесла в наш институт, чтобы ее на всякий случай проверили – она оказалась стерильней емкостей для аналитических реактивов. А ведь очистить посуду до такой степени стоит много денег...

– Почему же ты мне до сих пор ничего не сказала?

Инспектор поднял руку и прервал меня:

– Ну, все ясно. Как я теперь понимаю, это вам не угрожало, гм, ни разу за все время своего пребывания в вашем доме, не так ли?

– Да, но...

– И ни в коей мере не является бременем, и само по себе никакого вреда не приносит?

Я понял, куда он клонит.

– Я не желаю более находиться в постоянном страхе из-за этого проклятого существа! Я не знаю, что оно может причинить моей семье, поэтому я больше не намерен терпеть его здесь ни минуты! У меня двое детей, четырех лет и шести месяцев, и я готов на все, чтобы защитить их!

Инспектор медленно покачал головой.

– Я понимаю вашу озабоченность, но... гм... но и вы тоже, должны правильно понять опасения нашего правительства.

– Любопытно. Правительство, которое, очевидно, не волнует дальнейшая судьба моей семьи?

– Наши отношения с инопланетянами, как вы знаете, находятся еще в зачаточном состоянии, – продолжал он, стараясь не слушать меня. – Они ведут себя вполне дружелюбно, но кто может знать, какие они на самом деле? При положении, что они, очевидно, гораздо могущественнее нас... Так что мы предпочитаем иметь с ними как можно меньше контактов и давать им как можно меньше информации о себе. Особенно в связи с нашими внутренними проблемами.

– А что мне делать с этим существом здесь?

– Его зовут Снупи, папа! – снова вмешалась дочка.

Инспектор поднял брови.

– Почему бы вам не выбросить его, например? Многие люди выбрасывают ненужных животных...

– Ничего не получится! – ответила гордо Мими, прежде чем я открыл рот. – Папа пытался несколько раз! Но Снупи все время возвращался!

– По следам твоего папы?

– Нет, до него. Мы уже знаем, что, если папа уходит со Снупи, а Снупи потом является домой один, значит, папа опять пытался выбросить его!

– Последний раз я отвез его за тысячу километров отсюда, – объяснил я подавленно. – Бросил в шахту для отходов реакторов. Понятия не имею, как он оттуда выбрался и вообще остался в живых. Он даже не был радиоактивным после этого... Но пока я это установил, посидел весь от нервов.

Мими посуровела, как грозовая туча, но это опять потерлось о ее ноги, и она быстро забыла свой гнев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.